

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

4

Москва
Санкт-Петербург
2014

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 4. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. — 54 с.

ISBN 978-5-98874-095-7

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» начинает выпуск нового электронного издания, на страницах которого предполагается размещение материалов, посвященных рассмотрению представляющихся значимыми вопросов историографии, археографии и методики исторических исследований.

Редактор *С. Н. Кустерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

С. Н. Кистерев

ОБОЗРЕНИЕ 17 ВЫПУСКА «ОЧЕРКОВ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ»

Единожды принявший на себя труд представить содержание целого выпуска «Очерков» и собственное суждение о помещенных в нем материалах, вероятно, не должен отказываться от того же бремени и в дальнейшем. Посему считаем возможным и обязательным предложить обозрение вновь появившегося тома,¹ сопроводив его некоторыми, кажушимися более или менее важными замечаниями.

Выпуск 17 «Очерков» включает в себя две статьи, помещение которых в издании, посвященном, судя по наименованию, собственно российской истории, кому-то может показаться несколько странным. Речь идет о работах А. В. Кузьмина «Военные и внешнеполитические последствия поражения войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве (2 февраля 1348 г.)» (С. 3–40) и А. В. Шекова «Летописные известия об участии князей Одоевских в лучском и троцком съездах 1429 и 1430 годов» (С. 70–92). Однако «Очерки» призваны отражать на своих страницах любые сюжеты, так или иначе, напрямую или опосредованно, имеющие отношение к истории России, явления или процессы, оказывавшие свое влияние или происходившие вследствие каких-то событий внутри России. Не воспринимая Россию ни на каком этапе ее существования в качестве страны периферийной, в любом случае, не более, чем большинство остальных в Евразии, полагаем не только возможным, но и обязательным предоставление места тем авторам, которые в своих трудах уделяют внимание вопросам истории сопредельных с Россией государств.

В статье А. В. Кузьмина многопланово рассматриваются последствия эпизодического военного поражения Великого княжества Ли-

---

¹ Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. 496 с.

товского с опорой на анализ данных источников и обширной историографии вопроса, причем, на что следует обратить особое внимание, рассуждая о численности участвовавших в сражении войск и их потерях, исследователь приходит к выводу о наибольшей достоверности сведений русских летописей. «...Наиболее беспристрастная оценка потерь объединенной рати ВКЛ, — пишет А. В. Кузьмин, — содержится не в ангажированных по этой теме орденских хрониках и анналах, а в ранних русских летописях» (С. 14). Это обстоятельство требует своего объяснения, которое, вероятно, будет в свое время предложено специалистами-летописеводами. Однако уже в рассматриваемой работе, что важно с методической точки зрения, автор проясняет с использованием методов палеографического характера наблюдающиеся расхождения летописцев в отдельных пунктах.

Другое, что нужно отметить, говоря о статье А. В. Кузьмина, это рассмотрение им ситуации накануне и после сражения 2 февраля 1348 г. на широком фоне общеевропейских событий, в том числе и эпидемии бубонной чумы, оказавшей серьезное влияние на политические процессы в прибалтийском регионе и даже способствовавшей облегчению положения литовского государства. Такой подход и конкретные результаты исследования, вероятно, должны стать интересными для специалистов в области европейской дипломатической и военной истории.

Статья А. В. Шекова посвящена более частному, но отнюдь не менее интересному вопросу об участии некоторых русских князей в организованных Витовтом в 1429 и 1430 годах мероприятиях. Автор пытается получить ответ на поставленные им вопросы путем соотнесения сведений различных и весьма разнообразных источников, среди которых основным предметом внимания являются летописные тексты. Работа, в целом, представляет несомненный интерес в смысле изучения отражения одних и тех же событий в разных по характеру историко-повествовательных и эпистолярных текстах, а также применительно к вопросу о путях распространения и воспроизведения сведений о политических событиях в истории XV столетия.

Не предполагая обсуждать конкретное содержание статьи, коснемся лишь некоторых, на наш взгляд, важных в методическом отношении моментов.

Статья А. В. Шекова строится в значительной мере на использовании летописеведческой литературы, при том, что собственный анализ взаимоотношений летописей, их, если угодно, редакций и содержащих эти тексты рукописей отсутствует. Это, естественно, вынуждает оперировать результатами построений других авторов, что у читателя, имеющего хотя бы поверхностное представление о проблемах летописеведения, не может не вызывать некоторых недоумен-

ных вопросов. В частности, стоит отметить постоянное употребление для обозначения гипотетического протографа группы летописных текстов термина «Белорусская I летопись», хотя его применение не имеет под собой достаточных оснований, тем более, что даже сторонники такого именованя летописного памятника местом его возникновения называют город, с трудом соотносимый с белорусским ареалом. Вероятно, более правильным было бы называть просто отдельные списки, может быть, их протограф, коль уверенность в существовании последнего наличествует, не используя способное привести к недоразумениям этническое название.

Столь же опрометчиво, вероятно, поминаются и некие северорусские своды, следуя в этом схеме развития русского летописания, предложенной Я. С. Лурье. Правда, к их числу почему-то относится и протограф Софийской 2 — Львовской летописей. Мало того, что ныне говорить о «северорусских сводах» нет оснований, как не было их в достаточной мере и раньше, но числить среди них протограф названных произведений тем более невозможно, чего не делал даже Я. С. Лурье, полемизировавший о происхождении памятника с А. Н. Насоновым. Ближайшим протографом Софийской 2 и Львовской, на наш взгляд, был текст, оканчивавшийся 1518 годом, в основе которого лежала летопись Петра-Кифы 90-х годов XV в.² С последним тезисом можно не соглашаться, но для начала его следовало бы опровергнуть. Использовать же сомнительные построения давно минувших дней кажется странным.

Работа А. В. Шекова отличается, как кажется, некоторой нечеткостью выводов. На наш взгляд, это проистекает из того, что данные одних источников поверяются сведениями других, без собственного источниковедческого исследования. При этом не объясняется появление расхождений в отдельных, в частности, летописных текстах.

Давно ставшая традиционной для «Очерков» тема истории древнерусской книжности нашла свое отражение и на страницах 17 выпуска в двух статьях О. Л. Новиковой. Первая из них под неброским наименованием «К изучению сборников книжника Ефросина» (С. 41–69), посвященная творчеству одного из наиболее известных в историографии книгописцев XV в., продолжает ряд исследований автора о русской книжности этого столетия. Фигура Ефросина не впервые становится объектом изучения в работах О. Л. Новиковой, хотя и не является при этом предметом ее специальных занятий.³ По сути,

² Кистерев С. Н. Эпизод истории частного московского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 152–171.

³ См.: Новикова О. Л. 1) Ферраро-Флорентийский цикл в сборнике Ефросина и Сергия Климина // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 7. М., 2009. С. 26–28;

в новом исследовании предметом изучения стал давно известный сборник белозерского книжника — РНБ, Кир-Бел. 11/1088 (далее — КБ-11) — и даже уже, одна из его частей. Весь сборник-конволют образован тремя рукописями, первая из которых (л. 19–266) создана в 1489 — начале 1490 г., а третья (л. 391–502) появилась в конце 80-х годов XV в.⁴ Вторая часть, обнимающая л. 267–387, стала теперь объектом внимания исследовательницы, использующей, тем самым, результаты предшествующих работ.

Сопоставление содержания означенного фрагмента КБ-11 и рукописи РГБ, Тр. 730 привело к выявлению факта существования некогда манускрипта форматом в четверть, содержавшего компиляцию текстов, читающихся ныне в КБ-11 на л. 355 об.–369 об., составленную на основе Кормчей Сербской редакции. Таким образом, устанавливается не только история появления некоторых текстов в составе КБ-11, но и наличие у Ефросина исходных материалов для их написания. При этом О. Л. Новикова обращает внимание, что в компиляции не было изложения фрагмента Жития Климента Корсунского, добавленного в свою рукопись Ефросином в связи с читавшимся в компиляции текстом о последователях Симона.⁵ Исследовательница полагает, что фрагмент Жития в КБ-11 появился путем использования полного списка агиографического памятника, находившегося в знакомой Ефросину рукописи из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, ныне сохранившегося в составе Кир.-Бел. 17/1256. На полях этого списка Жития имеются пометы, атрибутируемые О. Л. Новиковой Ефросину, соотносимые с текстами, записанными в КБ-11. Последнее обстоятельство дало возможность не только сде-

2) Ефросин Белозерский и московские книжники последней четверти XV в. // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 45–78; 3) Минейный торжественник Кирилло-Белозерского монастыря: источники, датировка и атрибуция // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 11. М., 2013. С. 5–15.

⁴ О структуре КБ-11 и датировке его первой части см.: *Кистерев С. Н.* Вопросы изучения рукописного наследия Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 468–470. Датировка третьей части сборника уточнена О. Л. Новиковой, на основании анализа филиграней отнесшей ее возникновение к концу 80-х годов XV в. (*Новикова О. Л.* Ефросин Белозерский и московские книжники... С. 75).

⁵ Составители описания сборников Ефросина указали, что «заключительная часть статьи, где излагаются по пунктам еретические взгляды Симона, текстуально с житием не совпадают» (*Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 188). Разумеется, можно по-разному оценивать степень совпадения текстов между собой, однако нам, сравнивая текст у Ефросина с текстом Жития по ВМЧ и не обращая внимания на нумерацию ересей в КБ-11, удалось найти единственное лексическое несоответствие: у Ефросина читается «змиемъ оправращается», тогда как в ВМЧ — «змиемъ бывает» (ВМЧ. Ноябрь, дни 23–25. М., 1917. С. 3380–3381).

лать вывод об использовании этого списка Жития, но и установить место работы книжника над соответствующей частью КБ-11, каким исследовательница считает Кириллов монастырь (С. 55).

Несомненным достижением является констатация факта наличия в распоряжении Ефросина рукописи с определенным набором текстов. Это обстоятельство в дальнейшем позволит предпринять целенаправленные поиски или ее самой, или следов ее использования другими книжниками, помимо Ефросина и писца Тр. 730.

Не менее интересен раздел статьи О. Л. Новиковой, в котором анализируется содержание л. 369 об.–378 все той же части КБ-11. Сопоставив содержание текстов, читающихся на этих листах, с подборкой в РНБ, Кир-Бел. 22/1099 (далее — КБ-22) и сборнике антилатинских сочинений в Кир.-Бел. 66/1143, исследовательница пишет о наличии у Ефросина рукописи в восьмую долю листа, в которой находились все те же тексты (С. 64). При этом особо отмечается библиографическая заметка Ефросина «Писано инде обретишь у себе, о, Ефросине!», отсылающая, по мнению О. Л. Новиковой, к текстам в сборнике КБ-22. В связи с этим необходимо отметить, что соответствующий текст в КБ-22, вопреки указанию в известном описании,⁶ писан не рукой Ефросина.⁷ Следовательно, выражение «у себе» относится к рукописи, но не к текстам, скопированным самим писцом. Примечательно, что в другом месте того же КБ-11 Ефросин будто бы ссылается на КБ-22 совсем иначе: «Ины два слова писаны во книзе, иде сначала летописецъ».⁸ Данное обстоятельство при допущении, что обе ссылки действительно даны на одну и ту же книгу, позволяет предполагать, что отсылка с возгласом «о, Ефросине!» сделана без наведения соответствующей справки с рукописью, по памяти. Книжник помнил о наличии в его сборниках нужного текста, но не потрудился доискаться, в каком именно этот текст записан.

⁶ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. С. 8.

⁷ По поводу атрибуции почерка Ефросина продолжается дискуссия с М. А. Шибаевым. См.: Кистерев С. Н. 1) Ефросин и «Роуский летописец» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 100–101; 2) Перспективные проблемы «ефросиноведения» // РЛ. 2009. № 3. С. 74–75; 3) Об авторе Русского летописца в сборнике Ефросина Белозерского // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 223–236; 4) Книжники Кирилло-Белозерского монастыря и «Летописец вскоре патриарха Никифора» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 100–104; Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Там же. С. 222–225; Шибаев М. А. Еще раз об атрибуции почерка средневекового книжника Ефросина // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 137.

⁸ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание... С. 182.

Однако необходимо учитывать, что КБ-22, как и все прочие личные сборники Ефросина, является конволютом, образованным из разновременных и разнородных по содержанию частей. Его начальная составляющая — л. 1–46, в соединении с фрагментом Погод. 1554 л. 13–19 содержащая в себе текст летописца, выделена в ходе исследования, проведенного А. Г. Бобровым.⁹ При этом пока нет достаточных оснований полагать, что она изначально принадлежала к той же рукописи, что и л. 183 об.–188 об. КБ-22, на коих читается подборка антилатинских сочинений, к которой отсылает в данном случае О. Л. Новикова. Следовательно, нужно говорить, что отсылка Ефросина сделана к рукописи, фрагментарно затем вошедшей в состав КБ-22, но никак не к КБ-22 в его современном виде, поскольку обречение этого вида к рубежу 80–90-х годов XV в. никем не показано.

Весьма интересен итог исследования О. Л. Новиковой, установившей использование Ефросином трех рукописей, две из которых были форматом в четверть, а третья — сборник антилатинских полемических сочинений — в восьмую долю листа. Лишь относительно последней можно усомниться в ее принадлежности библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, поскольку малый формат наводит на мысль о владении ею неким частным лицом, кем-то из добрых знакомых книжника, позволившим воспользоваться книгой для списывания текстов.

Возникает весьма важный вопрос: случайное или целенаправленное соединение блоков антилатинских сочинений произошло в рукописи Ефросина? Первый вариант ответа подразумевает отражение личных познавательных интересов книжника, коллекционирующего тексты; второй — факт сознательной деятельности, направленной на создание некоего компендиума текстов, содержание которых посвящено одной теме. Может быть, стоит посмотреть на все пространство л. 355 об.–378 как на некое единство текстов, каждый из которых посвящен тому или иному религиозному течению, пусть даже в так называемой еретической форме, а все вместе они, возможно, призваны показать преимущества истинного христианства, которым, конечно же, в представлении Ефросина должно было бы быть православие. Первые три текста осуждали отклонения от истинного христианского учения, возникшие еще в апостольские времена, «Стязание» показывало победу христианства над иудейством, дальнейшее повество-

---

⁹ Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 137. Определение указанных листов Погод. 1554 как принадлежавших ранее КБ-22 произведено Р. П. Дмитриевой (Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 251).

вание сообщало о «смеха достойных» писаниях Мухаммеда, основавшего собственную ересь, на семи листах демонстрировались недостатки латинской церкви и отмечалось существование интересных текстов о некоторых отклонениях от православия, а венцом всему стало исповедание Троицы.

Отмеченное О. Л. Новиковой использование Ефросином двух отличающихся по формату рукописей исключает возможность видеть на л. 355 об.—378 существовавшую до него компиляцию текстов, заставляя признать в самом книжнике ее творца. Нет оснований полагать, что соединение текстовых блоков произошло случайно. Против этого говорит размещение рассказов о «ересях» в соответствии с исторической последовательностью появления учений ересиархов. Отсюда возникает возможность считать, что компендиум стал результатом целенаправленной работы Ефросина, объединившего в своем сборнике доступные ему и интересные для него тексты. Может быть, последующие разыскания позволят отследить дальнейшую рукописную традицию возникшего под пером книжника тематического собрания повествований о «ересях». Нужно лишь заметить, что формирование компендиума под пером Ефросина происходило на фоне распространения на Руси некоторых еретических течений.

В завершение можно сказать, что если первый период изучения творчества Ефросина, начавшийся в 1858 г. с труда архимандрита Варлаама и продолжавшийся до середины XX столетия, был временем постепенного накопления отрывочных сведений о книгописце, если 60–80-е годы минувшего века стали эпохой интенсивного изучения текстов, содержащихся в известных тогда ефросиновских сборниках,¹⁰ а последние два десятилетия ознаменовались поисками новых автографов и пристальным вниманием к палеографо-кодикологическим особенностям рукописей, то ныне главной задачей является их комплексное исследование, совмещающее текстологические, палеографические, кодикологические и просопографические методы. Такой подход, демонстрируемый, в частности, в статье О. Л. Новиковой, в перспективе позволит более детально и точно представлять историю возникновения, бытования и преобразования текстов отдельных литературных и не только произведений.

Вторая статья того же автора в 17 выпуске — «Архивы кирилловских старцев» (С. 93–132) — открывается теоретическими рассуждениями об одной из форм, в которой предстают древнерусские рукописи, и более того — определению различных видов внутри этой

---

¹⁰ Историографический обзор этих периодов см.: Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // ОФР. Вып. 1. М., 1997. С. 65–79.

формы. «Значительное число из сохранившихся древнерусских рукописей, — пишет О. Л. Новикова, — представляют собой так называемые конволюты — сборники, составленные из самостоятельных частей. История появления каждой такой рукописи строго индивидуальна и при желании всегда может быть реконструирована путем кропотливой работы археографа. Составляющей конволюта может быть как целый комплекс тетрадей или самостоятельная рукопись, так и отдельная тетрадь, и даже вклеенный в готовую рукопись лист. Если мысленное изъятие такой составляющей не отражается на содержании сборника, не влечет за собой явных очевидных утрат кодиколого-палеографического характера, ее наличие — явный признак конволюта. То, что когда-то было сложено из частей, всегда может быть мысленно на них и разложено. Другими словами — любая составляющая конволюта, независимо от объема и содержания, представляет собой, по сути, отдельную рукопись. В свою очередь, таких составляющих может быть как две, так и больше» (С. 93–94).

Данное суждение можно было бы расценить как нечто банальное, однако приведенные О. Л. Новиковой историографические данные свидетельствуют об обратном — исключительной актуальности высказанных положений для методики изучения рукописей. Со своей стороны, приведем мнение, высказанное совсем недавно в уникальной работе, посвященной культуре чтения в Древней Руси. «Многочисленные исследования, — пишет И. М. Грицевская, — убеждают в том, что средневековые сборники, бесконечно разнообразные и в то же время чрезвычайно похожие, представляют собой основной источник русских средневековых текстов. Сборник является важнейшим элементом древнерусской культуры».¹¹ Нетрудно заметить, что в данном утверждении не содержится каких-либо указаний на необходимость дифференцированного подхода к суждениям о сборниках в зависимости от способа их создания и формы существования. Данное обстоятельство тем более выглядит странным, что в работе И. М. Грицевской применяется термин «мисцелланология», используемый для обозначения некоей новой научной дисциплины, предметом исследований в рамках которой являются рукописи-сборники. При этом не проводится отчетливого различия между сборниками текстов и сборниками-конволютами, наблюдаемого в рассматриваемой статье О. Л. Новиковой, хотя всякий сборник-конволют индивидуален, в отличие от сборника текстов.¹² Иначе говоря, для предполагаемой

¹¹ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012. С. 150.

¹² При этом, разумеется, всякий сборник-конволют является одновременно сборником текстов, хотя не всякий последний предстает в форме конволюта.

«мисцелланологии» последнее как бы не является существенным моментом. Заметим, что деление научных дисциплин принято проводить с учетом двух параметров — объекта и метода изучения, хотя, на наш взгляд, это и не является верным, поскольку сам метод диктуется степенью восприятия исследователем особенностей объекта, и по мере углубления знаний о нем изменяются и методы при предполагаемой неизменности изучаемого явления или процесса. Исходя из этого полагаем, что изучать сборники вообще, то есть как некую общую данность, в силу уникальности многих из них невозможно, поскольку нет единого объекта, а последнее обстоятельство, даже в привычной схеме, исключает единство метода как определяющий признак. Иногда у разных специалистов проявляется стремление плодить особенные «вспомогательные исторические дисциплины», примером чего является хотя бы давняя декларация о существовании «берестологии», скептически встреченная в свое время исследователями берестяных грамот. Думаем, «мисцелланологию» ожидает та же участь.

Справедливости ради стоит оговорить, что И. М. Грицевская не совсем абстрагируется от вопроса о необходимости различения рукописей-сборников, но эта дифференциация не связывается напрямую с процессом создания манускрипта. Исследовательница уделяет большое внимание анализу терминологии, применяющейся исследователями для обозначения «четьих книг».¹³ Честно говоря, нам остается непонятным присущее некоторым гуманитариям пристрастие к классификации неких исторических артефактов, в данном случае — рукописных сборников. Это явление напоминает о данной одним из историков характеристике творений ученых мужей Средневековья: «Не имевшая возможности обогащаться материальным знанием и поставленная исключительно на почву традиции и логических понятий, средневековая наука утратила всякий вкус к истории и к познанию реального мира. Схоластик более занимался мнениями своих предшественников о данном предмете, чем самым предметом, и усиливался не столько собирать и познавать факты, сколько превращать факты в понятия и из этих понятий выводить суждения о фактах, определять их ценность и заключать об ожидаемых от них последствиях».¹⁴ На наш взгляд, рассуждения о способах классификации четьих книг весьма похожи на описанные Н. С. Суворовым труды схоластиков.

Как бы то ни было, следуя своим предшественникам и рассмотрев наиболее подробно варианты классификации, предложенные А. Мил-

¹³ Грицевская И. М. Чтение и четьи сборники... С. 162–169.

¹⁴ Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 2012. С. 215.

теновой, Т. В. Черторицкой и С. А. Семячко, И. М. Грицевская называет один из них «практически полезным», другой характеризует как «полезный инструментарий при изучении сборников»,¹⁵ хотя ни один из них не отвечает ее собственным потребностям. По ее мнению, «согласно своим функциям в монастырской книжности, четьи сборники ... подразделяются на уставные и келейные. Однако, выделяя эти две группы сборников, нельзя не отметить, что такое разделение достаточно условно».¹⁶ Исследовательница отмечает, что, благодаря проведенным многочисленным исследованиям, названное ею разграничение сборников все-таки «объективно обнаруживается в книжности XV–XVII вв., хотя бы как общая тенденция».¹⁷ Иными словами, что требовалось, то и обнаружилось, хотя и условно.

Тем не менее, признав недостаточность деления сборников на два вида — устойчивого и неустойчивого состава, И. М. Грицевская предлагает иной способ, выделяя «1. сборники относительно объемных памятников (своды); 2. сборники, содержащие одно большое произведение и дополнительные статьи; 3. сборники, включающие в себя разнообразные крупные и мелкие тексты и фрагменты текстов, отдельные выписки и подборки выписок». «...Данная классификация, — утверждает исследовательница, — не является чисто формальной, но связана с глубинными закономерностями создания сборников».¹⁸ Возможно, что дело обстоит именно так, однако смущает наличие большого числа количественных признаков при полном отсутствии качественных характеристик. Выражение «относительно объемный памятник» столь же мало понятно, как и допустимое «относительно необъемный текст». Дополнительные статьи при одном большом произведении восполняют его по содержанию или лишь сопутствуют ему в рукописи? Разнообразные тексты и их фрагменты представляют собой нечто, создававшееся по мере чтения каких-то рукописей и заимствования из них этих материалов, или являются копией, переписанной с другого манускрипта? Эти вопросы не требуют ответа, поскольку сама И. М. Грицевская, указав на связь предлагаемой классификации с процессом создания рукописей, подвела к возможности отказаться от всякой подобной классификации. Возникновение каждой рукописи, состав которой хоть чем-то отличается от прочих, есть явление уникальное,¹⁹ а систематизировать в какой-либо форме уникальное, то есть сводить его на

---

¹⁵ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники... С. 168.

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ Там же. С. 170.

¹⁸ Там же. С. 176.

¹⁹ Рукописи-сборники уникальны не только по своему составу, но и по цели их создания. И в данном случае нельзя ограничиваться констатацией факта зависимости

уровень типового, бессмысленно. Куда более перспективным представляется изучение конкретного и неповторимого процесса создания рукописи, результаты которого призваны показать применявшиеся книжниками способы работы, но никак не место их произведения в заранее придуманной исследователем схеме.

Всякая классификация оправдана в том случае, если позволяет сначала увидеть нечто общее в распределяемых по разрядам явлениях, а в дальнейшем — предложить качественно определенные характеристики самих этих явлений.²⁰ В этом смысле классификация неповторимых как по составу, так и по целям создания сборников текстов бесплодна. Насколько помогают исследователю и предлагаемые И. М. Грицевской терминологические определения — «сборники-своды; сборники центонные; сборники иерархические» — трудно сказать, но кажется, что эта помощь ограничится областью словоупотребления, но никак не поспособствует проникновению в суть явлений.

Предпринятое пространное отступление лишь подтверждает актуальность рассуждений о сборниках-конволютах, предлагаемых читателю О. Л. Новиковой. Причем нельзя не отметить, что они не основываются на умозрительных конструкциях, а проистекают из анализа наиболее существенных признаков, отличающих рукописи друг от друга. Именно процесс создания рукописи является ее ключевой характеристикой. Проводя разделение сборников-конволютов на исследовательские, авторские, тематические и «стихийные», О. Л. Новикова, на наш взгляд, справедливо не пользуется количественными характеристиками, видя конволют даже там, где наблюдается присоединение к более или менее объемной рукописи единственного листа. Тем самым, можно отметить буквальное и вследствие этого наиболее верное понимание термина.

Можно предположить последствия, к которым приведет реализация суждений О. Л. Новиковой на практике. Как правило, исследователи до сего времени лишь оговаривали цельность рукописи, в противном случае детально показывая ее конволютный характер. Однако

их содержания от интересов абстрактных создателей рукописей к тем или иным текстам, поскольку появлялись рукописи в соответствии с интересами и целями конкретных людей.

²⁰ Не следует забывать, что «классификация, понимаемая как система понятий, создается на основе общих признаков, отражающих их возникновение, содержание, функционирование» и является методом познания, представляя собой «один из способов осмысления терминологии как системы определенного типа знаний, тесно связанных друг с другом не только предметом изучения, но и общим процессом развития науки и ее познания в различные периоды» (Алексеева Г. Д., Манькин А. В. Историческая наука в России XXI века. М., 2011. С. 46).

всякий относительно объемный манускрипт, причем не обязательно представляющий собой сборник текстов, выступая как сумма некоторого числа изначально отдельных и лишь впоследствии соединенных тетрадей, может предварительно расцениваться как конволют, пока не доказано обратное. Тем более, если рукопись писана несколькими писцами, а тексты в ней начинаются с первых страниц новых тетрадей. Отсюда появляется необходимость показывать изначально целостность рукописи, то есть верность взгляда на процесс ее создания как на следование единому плану создателей. То, что раньше молчаливо допускалось и не подвергалось сомнению, теперь придется аргументировать, поскольку единство рукописи теперь рассматривается как отражение единства замысла ее творцов.

Свои теоретические построения О. Л. Новикова тут же применяет на практике, рассматривая некоторые возникшие вследствие совмещения отдельных рукописей конволюты, принадлежавшие книжникам Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину и Сергию Климину, представляя эти сборники в качестве частей персональных литературных архивов, попутно выявляя некоторые дополнительные факты к биографиям названных деятелей и даже презентуя их новые автографы. Не видя смысла в пересказе данной обширной части статьи, не будем останавливаться и на тех мелких замечаниях, которые в ней адресованы в наш адрес в связи с истолкованием отдельных явлений в некоторых принадлежавших Ефросину сборниках и не со всеми из коих можем согласиться. Предоставим все своему времени, а предполагаемому заинтересованному читателю — возможность самому ознакомиться с результатами наблюдений О. Л. Новиковой.

Интересную статью, посвященную начальной истории «покорения Сибири» — «Поход князя С. Д. Болховского и экспедиция И. А. Мансурова: о некоторых спорных трактовках (К ранней истории правительственной колонизации Сибири)» (С. 133–144), — в 17 выпуске представил постоянный автор «Очерков» Я. Г. Солодкин. Анализируя широкий круг источников и отмечая особенности известий каждого из них о рассматриваемых событиях, уделяя, что вообще является отличительной чертой его исследований, большое внимание историографии, Я. Г. Солодкин максимально подробно останавливается на хронологии предпринятых походов, вникает в тонкости подготовки и осуществления военных мероприятий, реконструирует, казалось бы, мельчайшие факты истории, видимо, справедливо исповедуя ту истину, что мелочей в науке не бывает и каждый, кажущийся порой малозначительным, эпизод имеет важнейшее значение для представления о ходе конкретных событий и протекании невидимых для глаз процессов.

Материалы, посвященные истории XVII столетия, открываются подготовленной С. В. Сироткиным публикацией писцовой книги города Калуги 1625/26 г. (С. 145–188). Археограф уже неоднократно выступал как публикатор весьма ценных документов писцового делопроизводства.²¹ Его новая работа в сочетании с опубликованными ранее аналогичными относящимися к Калуге материалами²² позволяет значительно расширить представления о развитии этого города на протяжении нескольких десятилетий на рубеже XVI–XVII веков. Особый интерес представляют данные о погибших или покинувших город в результате набегов «черкасов» в 7127 г.

С. В. Сироткин обращает внимание на то, что подъячий Иван Матвеев служил в приказе Большого прихода (С. 145). Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что само описание производилось по распоряжению именно этого учреждения. Запрос о посылке служилых людей для описания городов, в том числе и Калуги, без одновременного описания уездов исходил 5 мая 1625 г. из Владимирской четверти.²³ Прибыв на место и занимаясь порученным им делом, Владимир Григорьевич Плещеев и Иван Матвеев состояли в переписке именно с четвертью,²⁴ то есть находились под ее постоянным контролем. Этот факт подтверждает наблюдения Л. А. Тимошиной об особенностях организации писцовых описаний в первой половине 20-х годов XVII в.²⁵

Среди пустующих дворовых мест Богоявленской сотни упоминается таковое «посадцкого человека Трофима Яковлева сына кода-

---

²¹ См., например: *Сироткин С. В.* 1) Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахинского уезда // ОФР. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169; 2) Сотная грамота 1593/94 г. на посад Юрьевца Повольского // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 44–105; 3) Выпись 1678/79 г. из писцовой книги «бортным ухажеям» Нижегородского уезда Василия Борисова и подъячего Третьяка Аврамова 1587 г. // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 203–227; 4) Крестоприводные книги Нижнего Новгорода XVII в. // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 157–201; 5) Книги приходные окладных и неокладных доходов патриаршего Казенного приказа 1627/1628 и 1650/1651 гг. по Нижегородской десятина // Там же. С. 201–240.

²² См.: Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Издание подгот. Е. Б. Французовой. М., 2002. С. 221–252. Рецензию на это издание см.: Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 99–102.

²³ *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913. С. 309–310. № 150.

²⁴ Там же. С. 370–385. № 181–183, 185–191.

²⁵ *Тимошина Л. А.* Организация писцовых описаний городов в 20-х годах XVII в. // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Новгород, 1–3 сентября 1992 г.). Новгород, 1992. С. 8–11.

шовца», убитого в 1618 г. г. (С. 178). Сын погибшего, как свидетельствует текст книги, обосновался в Москве, что выглядит естественным для наследника причисленного к столичной Кадашевской слободе отца. В дальнейшем, вероятно, будет весьма важным учитывать, что записанный кадашевцем, Трофим Яковлев до последнего дня жизни сохранял статус посадского человека Калуги. Очевидно, что кадашевцем Трофим стал не по праву рождения, а в силу властного распоряжения. В противном случае он не мог бы значиться посадским человеком. Приобрети он двор как кадашевец, новое владение было за ним записано именно как за жителем столичной слободы. Однако запись в книге утверждает владение именно посадского человека. Тем самым, из нее следует, что превращение в кадашевца не означало утраты положения посадского в ином городе. Значит, официально установленное для подданного место жительства в Кадашевской слободе не лишало его возможности оставаться полноправным жителем иногороднего посада. И причина этого крылась отнюдь не во владении недвижимостью на этом посаде, а в принадлежности к посаду как социальной структуре.

В связи с этим важно обратить внимание и на другой пример из той же книги. В Архангельской сотне упоминается место дворовое «посадского человека Дмитрея Андреева сына вязметина», который «сшол в Вязму во 130-м году», а «в прежнем оброке был в пяти алтынех» (С. 177). Уроженец Вязмы владел двором в Калуге, приобретя его не иначе как в сознательном возрасте, то есть имея некий статус и в родном городе, и в Калуге же числился посадским человеком. В какой-то момент он предпочел вернуться в родной город, где прошлое положение за ним, видимо, сохранялось. Не исключено, что более пристальное изучение источников в дальнейшем покажет, что и там Дмитрий Андреев значился посадским человеком, то есть и реально был им, одновременно в двух городах. Абсурдное, на первый взгляд, предположение не покажется таковым, если сравнить эту ситуацию с казусом кадашевца, но посадского человека Калуги Трофима Яковлева.

Автор этих строк в 17 выпуске «Очерков» поместил публикацию материалов, связанных с перераспределением земельных владений в семье московских гостей, — «Дело 1643 г. о подмосковной вотчине гостей Юрьевых» (С. 189–212). Возможен справедливый вопрос, по какой причине для публикации избран вторичный текст, сохранившийся в приказной записной книге, а не исходный его вариант в том виде, какой ему придан непосредственно при ведении дела в форме столбца. Однако следует учитывать, что столбец представляет собой подлинное дело, сложившееся в ходе приказного производства, тогда как книга сама по себе является единым подлинным

документом, оформление которого венчало окончание процесса перехода собственности из рук в руки, и именно этот документ несет на себе знаки удостоверения в виде рукоприкладств партнеров по сделке с недвижимостью. Публикация столбца отражала бы дело-производство в учреждении, в то время как публикация книги призвана показать не только сам процесс, но и его окончание, фиксацию смены владельца земли.

В настоящее время нельзя говорить о сколько-нибудь объемном выявлении документов, характеризующих земельную собственность торгово-предпринимательского класса России XVI–XVII веков, опубликованных же материалов насчитывается ничтожно мало. Даже выявленные в архивных фондах документы остаются доступными исследователям преимущественно в своем подлинном виде. Естественно возникает задача публикации таких текстов, что в перспективе позволит не только более ясно представлять размеры купеческих владений и распространенность их по территории страны, но и увидеть цели, преследовавшиеся купцами при приобретении тех или иных земельных участков, а также рассмотреть особенности эксплуатации проживавших на них крестьян и даже холопов. Публикуемый теперь документ позволяет не только судить о самом факте мобилизации земельной собственности в кругу одной купеческой семьи, но и определить место данного владения в структуре купеческого хозяйства.

С крайне ценной документальной публикацией — «Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов» (С. 397–439) — выступил на страницах 17 выпуска «Очерков» Е. Н. Горбатов. Становящийся широкодоступным источник, несомненно, привлечет внимание большого числа исследователей самых разнообразных проблем истории Русского государства и общества первой трети XVII в., в том числе — истории военно-служилого сословия, организации функционирования государственного аппарата, земельной собственности и проявлений классового противостояния, бытовой культуры и господствовавших нравов. Вероятно, те же тексты будут способствовать прояснению вопросов кровных и матримониальных связей в среде служилых людей по отечеству и развитию просопографических исследований. Не желая мешать специалистам, способным изучать публикуемый материал во всем многообразии содержащихся в нем сведений, остановимся лишь на некоторых эпизодах, связанных с побочными сюжетами.

Значительное число просивших о предоставлении им отпуска декларировало намерение употребить его на богомолье. Среди них был и некий Степан Караулов (С. 254). 1 марта 1627 г. он назван в числе дворян, присутствовавших за столом по поводу именин царицы Евдо-

кии Лукьяновны.²⁶ Буквально днем ранее — 28 февраля — Степан Осипович был назначен дьяком в Астрахань вместо внезапно оказавшегося больным Немира Киреевского: «указал государь быти на своей государеве службе в Астарахани столнику и воеводам князю Юрью князь Петрову сыну Буйносову Ростовскому, да Семену меншово сыну Волинскому, да во дьяцех из дворян Немиру Киреевскому, да от печати дияку Григорью Нечаеву, на перемену боярину Петру Петровичу Головину, да Олексею Зубову, да дьяком Остафью Кувшинову да Семейке Самсонову. И Немир Киреевской для болезни отставлен, а на ево место велено быть во дьяцех Степану Караулову».²⁷ Не назвав источника своих сведений, С. Б. Веселовский отметил, что Караулов до астраханского назначения имел предписание служить дьяком Каменного приказа.²⁸ По данным С. К. Богоявленского, в 1627/28–1629/30 годах Караулов состоял в Большой казне.²⁹ В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что Степан Осипович, подавая прошение об отпуске, одновременно постарался показать, что порученные им дела он исполнял исправно и его отлучка не нанесет ущерба: «А которые, государи, ваши государевы запасы, и мы, холопи ваши, послали готовить камень ломать и печи известные класть, и глину копать» (С. 254). Следовательно, Караулов уже осенью 1626 г. активно занимался организацией добычи строительных материалов для казенных нужд.

Безусловно, небезынтересным будет обратить внимание на прошение Афанасия Прончищева об отпуске его для освящения храма в поместье в Тарусском уезде (С. 291). Препятствием для его вольного отъезда по столь существенному делу стала, очевидно, не столько обязанность находиться на службе, сколько необходимость присутствовать при разбирательстве земельного судебного дела в Челобитенном (но не в Поместном!) приказе. Неоправданная неявка в суд грозила проигрышем дела, и следовало заручиться официальным разрешением на поездку, дабы избежать автоматического решения суда не в свою пользу.

Не может не привлечь внимание поданное в январе 1629 г. прошение некоего Василия Юдина: «Был у меня, холопа вашего, на Вологде у промыслишку человек, и [судом], государи, божиим ныне в животе ево не стало, а что было [моих] животишко, и то рознесли. Милосердый государь царь и великий кн[язь] Михайло Федорович

²⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. С. 883; РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 463.

²⁷ РИБ. Т. 9. С. 462–463.

²⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 226.

²⁹ Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 306.

всё Руси и великий государь светейший Филарет Никитич патриарх Московский и всё Руси, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, меня отпустити к Вол[ог]де недели на три, чтоб, государи, и достальные мои животишка не розпропали» (С. 341–342). В отличие от многих других просителей Василий радеет о сохранности не поместья или вотчины, а промысла, что заставляет задаться вопросом о социальном статусе челобитчика.

Хорошо известен прослуживший несколько десятилетий дьяком Василий Юдин, в 1628–1631 годах, по сведениям С. Б. Веселовского, бывший дьяком Казенного приказа.³⁰ Можно было именно в нем видеть челобитчика-промысловика. Однако дело осложняется тем, что уже в 1613 г. гость Василий Афанасьевич Юдин занимался закупкой узорочных товаров для нужд казны в Архангельске,³¹ а закончил он свой земной путь в феврале или марте 1635 г.³² Обладая, подобно многим своим коллегам, двором в Вологде, Василий Афанасьевич, естественно, не мог бы спокойно относиться к возможности его разграбления. Разумеется, он должен был бы постараться отбыть от причитающихся на его, как гостя, долю служб, то есть просить об отпуске. Тем самым, на отождествление с челобитчиком Василием Юдиным могут претендовать два кандидата — дьяк и гость. Не имея возможности теперь же решить вопрос в пользу одного из них, лишь выскажем предостережение от поспешного толкования челобитной как принадлежащей обязательно дьяку Казенного приказа.

Обратим внимание на челобитную, поданную Жданом Васильевичем Кондыревым в июне 1629 г., в которой тот мотивировал свою просьбу от отпуске в деревню тем, что его поместье в Мещевском уезде оказалось разоренным в ходе розыска по делу о бежавшем изменнике Давиде Котове, в ходе которого люди и крестьяне Кондырева допрашивались в Москве (С. 355–356). В данном случае речь идет о разбирательстве, связанном с побегом в 1628 г. в Литву младшего из семьи гостей Котовых. По сведениям Н. Б. Голиковой, братья Котovy с 1601/02 г. состояли в гостиной сотне.³³ Родион Афанасьевич был гостем в 1609–1643 гг., Андрей — в 1618–1626 гг., Федот, автор известного сочинения о путешествии в Персию, — в 1621–1635 гг.³⁴

³⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 590–591.

³¹ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 177. № 65.

³² Подробнее см.: Кистерев С. Н. Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 267.

³³ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 239.

³⁴ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 87. Уточнение обладания Андреем званием гостя произведено на основании свидетельства

Сам Давид Котов на русской службе отметился в 1620 г., когда, будучи таможенным и кабацким головой в Ярославле, отказался отпустить деньги под прием английского посла Джона Меррика.³⁵ Причины бегства Давида в Литву неясны, но этому факту правительство, видимо, придавало серьезное значение,³⁶ а сыскное дело «о изменнике о Давыдке Котове 136-го году», судя по описи 1668 г., долгое время хранилось в архиве Разрядного приказа.³⁷ Челобитная Кондырева позволяет представить маршрут, которым Котов следовал, приближаясь к литовской границе, и свидетельствует о неожиданном пересечении судеб помещика и выходца из семьи торговцев.

Следует заметить, что в опубликованных Е. Н. Горбатовым материалах Кондырев не является исключением. Еще в августе 1626 г. братья Михаил и Осип Елизаровы подали челобитную, в которой писали: «Згорели, государь, у нас животишка наши на Москве в московской пожар на Преплавленъев день в Китае-городе у Веденья Пречистые Богородицы у Златоверхие в церкви да в Овошном ряду в каменной лавке у торгового человека у Томила Родивонова у Елисеева брата, и ныне, государь, отец наш в деревне лежит конечно болен, а по твоему государеву указу написаны мы, холопи твои, будем оба в отпускнуой половине. Милостивый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, из нас одново отпустить в деревнишко для отца нашего болезни» (С. 234). Можно обратить внимание на степень логичности в изложении Елизаровых: в первую очередь они говорят о гибели их имущества в пламени пожара и лишь потом упоминают о болезни отца, которая и является подлинным поводом для отпуска только одного из них в деревню, тогда как понесенный ущерб причитался на долю обоих братьев. Возможно, мотивировка необходимости отлучки из столицы сменилась уже в ходе написания документа, возможно, дело в элементарном неумении внятно озвучивать свои мысли. Однако более интересным теперь представляется другое обстоятельство: имущество Елизаровых хранилось не на их собственном дворе, о наличии коего у них ничто не говорит, а в церкви и в лавке некоего торговца из Овошного ряда — Томилы Родионова, известного челобитчикам как Елисеева брата. Последнее обстоятель-

---

документа: Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 41; *Кистерев С. Н.* Нижегородский конфликт московских гостей в 1619 году // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 302.

³⁵ РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Кн. 7. Л. 98–100.

³⁶ См.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 234–235.

³⁷ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 151.

ство позволяет думать, что сами Елизаровы имели дело именно с Елисеем, а не с его братом, почему и указали на родственника владельца лавки. Вряд ли Михаил и Осип полагали, что в приказе, куда они подали прошение, в точности знали о каком Елисее идет речь, чтобы понять, кем был Томило Родионов, хотя назывались имена не последних в московских торговых кругах лиц. Елисей и Томило Родионовы к моменту подачи челобитной Елизаровых уже несколько лет числились в составе гостинной сотни.³⁸ Тем самым, наблюдаем наличие доверительных и, вероятно, деловых отношений служилых людей разных категорий — помещиков Елизаровых и записанных в гостиную сотню купцов Родионовых.

Публикация Е. Н. Горбатова завершает первый отдел выпуска «Очерков», занимая собой львиную долю его объема. Однако богатство публикуемого материала оправдывает такую расточительность.

Отдел рецензий представлен разбором вышедшей в 2012 г. книги Н. Б. Голиковой «Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.» (С. 397–439). Нетрудно понять причину, по которой именно это произведение привлекло особое внимание в то время, когда выходит в свет немало трудов, остающихся не просто не отмеченными рецензентами, но и вовсе не замеченными коллегами. Книга Н. Б. Голиковой — издание ее научного наследия — занимает особое место в историографии текущего столетия. Незавершенная автором работа, посвященная относительно немногочисленному слою в массе торгово-промышленного класса России XVI–XVII веков, по замыслу должна стать вторым томом ранее изданного труда того же исследователя,³⁹ на наш взгляд, является крупнейшим за последние годы вкладом в изучение истории русского купечества и более — социальной истории Русского государства указанных столетий.

Значимость работы определяет и степень подробности ее рассмотрения рецензентом. Многочисленные рецензии, ограничивающиеся скромным пересказом основного содержания некоей книги в той мере, насколько оно оказалось доступным пониманию рецензента, изредка содержащие в себе единичные замечания к ее тексту, более похожие на пространные аннотации, вызывают недоумение, поскольку производят впечатление написанных отнюдь не ради обсуждения поднятых вопросов. Они способны оповестить потенциального читателя о существовании книги, то есть сыграть роль рекламной акции, дают

---

³⁸ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 241.

³⁹ Там же.

возможность ознакомиться с ее основными положениями, не читая самой работы, создать видимость ее значимости как новейшей по времени издания, но вовсе не по обоснованности сделанных в ней выводов и их роли для дальнейших разысканий по данной или смежным темам, поскольку сплошь и рядом рецензент не рассматривает вновь опубликованный труд в сравнении с изданными ранее и другими авторами.

На наш взгляд, куда более полезным является максимально подробный разбор нового сочинения, когда основное внимание уделяется не отдельным допущенным автором неточностям, возможному и часто оправданному недоучету существующей литературы проблемы, но методике проведенного исследования и степени обоснованности сделанных заключений. Разумеется, идти этим путем гораздо сложнее, зато и намного интереснее как для самого рецензента, так и, возможно, для читателя, почему на страницах «Очерков феодальной России», как правило, публикуются именно такие отклики на выходящие в свет издания.⁴⁰

Конечно, принимающий на себя труд подробного разбора какой-либо монографии одновременно вынужден выступать внешне в роли специалиста в вопросах, которым посвящена рассматриваемая им работа, возможно, и не являясь таковым на самом деле. Однако данное обстоятельство, кажется, оправдывается тем, что истинные специалисты от написания таких разборов уклоняются, а оставить выдающееся в любом смысле явление без соответствующего отзыва невозможно. Судить же, насколько автор разбора книги верно оценил ее содержание, предоставим тем, кто считает себя подлинными знатоками темы.

Вопреки обыкновению, в 17-м выпуске выделена третья структурная часть, отведенная для публикации подготовленного А. В. Антоновым очередного в его практике перечня актов, происходящих,

---

⁴⁰ См., например: *Кустерев С. Н.* 1) Спорные вопросы начальной истории русского денежного обращения // ОФР. Вып. 1. М., 1997. С. 197–220; 2) Исследование Ю. Г. Алексеева о Судебнике 1497 г. // ОФР. Вып. 6. М., 2002. С. 235–269; 3) А. Ю. Дворниченко о В. В. Мавродине // ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 178–189; 4) А. А. Зимин о Русской Правде // Там же. С. 213–246; 5) Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 311–334; *Новохатко О. В.* Как закатывают царства // ОФР. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 392–431; *Тимошина Л. А.* «Греко-славянские школы» и русская жизнь XVII в. // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 558–699; *Ченцова В. Г.* 1) Иллюзии и реалии палеографии. О разных подходах к изучению греческих грамот XVI–XVII вв. // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 370–433; 2) Иллюзии и реалии палеографии (2). Так что же нам делать? // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 349–402.

согласно выводам составителя, из частных архивов русских землевладельцев XV — начала XVII в. (С. 440–489).⁴¹

А. В. Антонов достаточно известен, прежде всего, благодаря осуществленным им публикациям актового материала из фондов, большей частью, Российского государственного архива древних актов.⁴² Эти материалы широко используются в работах многих историков, хотя по своему выходе встретили и некоторые критические замечания в свой адрес.⁴³ Как бы то ни было, изданные А. В. Антоновым тома представляют собой заметное и, безусловно, крайне отрадное явление в археографии последних десятилетий. В то время, как существовавшие программы издания актов Русского государства целыми коллективами специалистов остались по преимуществу лишь на бумаге, хотя печатно и заявлялось о готовности четырех томов только актов Троице-Сергиева монастыря,⁴⁴ не причастный к ним работник архива пополнил фонд опубликованных документов многими сотнями текстов.⁴⁵

---

⁴¹ Аналогичные перечни публиковались А. В. Антоновым в издававшемся им и, к сожалению, прекращенном специальном издании, посвященном русской дипломатике: РД. Вып. 1–10. М., 1997–2004.

Некоторые критические замечания в отношении первых, напечатанных А. В. Антоновым перечней сделаны С. М. Каштановым (*Каштанов С. М. Актовая археография*. М., 1998. С. 281–285), которого, правда, более заботило при этом отстаивание собственного приоритета в «открытии» документов или выработке форм присваиваемых им заголовков. Именно так сказанное С. М. Каштановым было, очевидно, воспринято и самим А. В. Антоновым. См.: *Антонов А. В. Ответ на критику* // РД. Вып. 5. М., 1999. С. 209–211.

⁴² Помимо «Русского дипломатария», достаточно указать объемное издание: *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века*. Т. 1–4. М., 1997–2008.

⁴³ Они рассыпаны в обзорной статье А. Л. Хорошкевич (*Хорошкевич А. Л. Акты, акты и еще раз акты... Новые миры средневековой Руси, эдиционная практика и научная традиция* // ОИ. 2000. № 5. С. 127–137).

⁴⁴ *Хорошкевич А. Л. Акты, акты и еще раз акты... С. 137.*

⁴⁵ В связи с этим, кажется весьма странным, что в обзоре публикаций, в подготовленном и неоднократно изданном бывшим длительное время руководителем архивной службы (!) В. П. Козловым, тома А. В. Антонова не удостоились даже простого упоминания (см.: *Козлов В. П. Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы*. М., 2013. С. 16). Впрочем, было трудно ожидать иного от автора, ориентирующегося на утвержденные планы Росархива и РАН и радующегося закреплению за архивами права подготавливать документальные публикации законом «Об архивном деле в Российской Федерации и архивах» (Там же. С. 26, 29, 52), не заметившего, что РГАДА (место службы А. В. Антонова), не дожидаясь официальных позволений, активно пользовался этим правом с 1992 г., то есть еще до прихода В. П. Козлова на «руководящий пост». Правда, и издания, подготовленные сотрудниками РГАДА в последнем десятилетии минувшего века, появлялись большей частью не благодаря, а вопреки желанию «инстанций», то есть не были «легитимными» (термин В. П. Козлова).

Обращаясь к перечню, помещаемому в 17-м выпуске, заметим, что он некоторым образом отличается от опубликованных ранее в «Русском дипломатарию». Значительную часть составляющих его позиций представляют документы, уже опубликованные ранее в полном виде, отчего их упоминания в настоящем перечне носят чисто учетный характер. Возможно, лишнее напоминание о существовании этих документов не окажется бесполезным.

Несколько иной характер имеют те позиции перечня, которые имеют своим источником тексты писцовой книги Романовского уезда 1593–1594 годов и дозорной книги Карачевского уезда 1614 г.⁴⁶ Разумеется, возможно сделать упрек составителю перечня, что представляемый им материал носит случайный характер и географически ограничен используемыми при его формировании документами писцового делопроизводства. Однако данный упрек представляется несправедливым, поскольку извлечение сведений об актовом материале из пространственных текстов писцовых или дозорных книг — дело трудоемкое и длительное, и уже это оправдывает относительно скорое предложение вниманию публики полученных результатов, не дожидаясь, пока будет обработан весь наличествующий фонд творений писцовых комиссий. При этом важно только, чтобы публикуемый перечень представлял все сведения, содержащиеся в используемых источниках, чтобы в дальнейшем не оказалось, что некая его часть осталась не упомянутой и, в силу данного обстоятельства, скрытой от тех, кто решится ограничиться перечнем, не обращаясь к его первооснове. Однако степень полноты учета документов может быть установлена именно теми, кто возьмет на себя труд специально изучать писцовые тексты или просто проверить результаты работы А. В. Антонова. В нашу задачу, по понятным причинам, это не входило.

Завершая обзор нового выпуска «Очерков», заметим, что, без сомнения, большинство размещенных в нем материалов непременно окажется востребованным теми, кто причисляет себя к научному сообществу, а это станет лучшим доказательством их актуальности. Возможная же спорность отдельных положений явится стимулом к достижению более доказательных результатов, а следовательно, труды исследователей опять-таки не пропадут втуне.

---

⁴⁶ Публикацию части этих материалов см.: *Антонов А. В.* Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 224–271.

Я. Г. Солодкин

О ДВУХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ «ЕРМАКОВА ВЗЯТИЯ» СИБИРИ

Несмотря на пристальный интерес ученых многих поколений, начиная с Г. Ф. Миллера, к перипетиям «Сибирского взятия» конца XVI в., ряд проблем истории вхождения «Закаменской страны» в состав Московского государства остается дискуссионным, прежде всего из-за малочисленности ранних источников, особенно документальных. На двух таких проблемах мы остановимся в настоящей статье.

1. Включала ли выходцев из Западной Европы «дружина» Ермака?

Источники заметно расходятся в определении численности «русского полка», сумевшего на удивление быстро разгромить «Кучумово царство». По свидетельству Саввы Есипова, Ермак повел за «Камень» 540 «православных воев». Это число, которое большинство ученых находит вполне достоверным, в созданной почти синхронно с «Повестью о Сибири и о сибирском взятии» тобольского владычного дьяка Строгановской летописью (далее — СтЛ) увеличивается на три сотни литовцев, немцев и татар (или литовцев, татар и русских), выделенных «храброму смлада» атаману прикамскими солепромышленниками.¹ Многие историки, начиная с Н. М. Карамзина, доверяли по-

---

¹ Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 10. Ср.: С. 58–59, 98; ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 78. Ср.: С. 120. В СтЛ по Толстовскому списку утверждается, что «русский полк», разгромивший «Кучумово царство», насчитывал 540 «воев», в том числе 330 ермаковцев и 210 «домашнихъ и приборныхъ наемныхъ» Семена, Максима и Никиты Строгановых (СЛ. С. 94–95). Два последних из этих чисел кажутся произвольными.

Указание СтЛ на численность казачьей «дружины» повторено в зависимом от нее Румянцевском летописце (далее — РмЛ) обоих видов (*Вовина-Лебедева В. Г.*

следнему сообщению.² Так вслед за С. Ф. Платоновым склонен был поступать и М. П. Алексеев. А. А. Введенский не исключал, что Строгановы отправили 300 своих «людей» в сибирский поход, а по предположению Д. Я. Резуна, немцы входили в число соратников Ермака.³

Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 110). Во вторичном, по наблюдению Р. Г. Скрынникова, относительно той же исторической повести, созданной по заказу Строгановых, Сольвычегодском летописце, дошедшем до нас в рукописи конца XVII в., сказано об усиливших «дружину» Ермака 330 ратниках из владений пользовавшихся благоволением Ивана Грозного промышленников (*Ромодановская Е. К.* Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 245). Быть может, переписчик этого провинциального летописца допустил ошибку или же его «слогатель» пользовался иным, чем уцелевшие, списком СтЛ.

² См., напр.: *Замысловский Е.* Занятия русскими Сибири // ЖМНП. 1882. № 10. Отд. 2. С. 233; *Введенский А.* Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. Кн. 3–4. Вологда, 1923. С. 100; *Токарев С.* Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // Исторический журнал. 1939. № 1. С. 97; *Апполова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. С. 72; *Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 143–144. Ср.: С 101; *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане в России XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 48; *Богуславский В. В., Бурминов В. В.* Русь: Рюриковичи: Иллюстрированный исторический словарь. М., 2000. С. 198; *Файзрахманов Г.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. С. 191; *Худяков Ю. С.* 1) Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 240, 241; 2) Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной научной конференции. Курган, 2011. С. 105; *Гасников А. Г.* Еще раз о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь // Казачество: Проблемы истории и историографии. Материалы 28-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2003. С. 20; *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 25, 166; *Филь С. Г.* Казаки «литовского списка» // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С. 186–187; *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI — начале XVII вв. // «Aus Sibirien-2011»: научно-информационный сборник (к 75-летию А. В. Христея). Тюмень, 2011. С. 44; *Ярков А. П.* Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 26. Ср.: Казачество: Энциклопедия. М., 2003. С. 114; Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 23. С точки зрения Н. А. Лапина, 300 строгановских ратников дополнили казачий отряд не в начале прославленной экспедиции, а перед битвой у Искера, их привел на помощь ермаковцам атаман Иван Кольцо, посланный с этой целью к прикамским солепромышленникам (*Лапин Н.* Военное искусство в сибирских походах Ермака // ВИЖ. 1966. № 1. С. 43).

³ *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарий. Новосибирск, 2006.

Чаще всего считается, что поляки, литовцы и немцы, выступившие из строгановских городков за Урал, очутились в русском плену в годы Ливонской войны и были выкуплены приуральскими «магнатами». Татар, а заодно и русских, пополнивших их «вотчинную армию», с точки зрения А. Г. Гасникова, Строгановы приобрели у ногаев. Л. С. Соболева же на основании РмЛ вида А (не замечая, что его источником послужила СтЛ) утверждает, будто «казакам было придано (неясно, кем — Строгановыми или московским правительством. — Я. С.) хорошо экипированное войско наемников» из немцев и «литвы».⁴ В представлении А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова численность «европейских воинов» в организованной «уральскими купцами» экспедиции против «кучумлян» могла простираться от одной десятой части до половины всего казачьего отряда.⁵ Как отмечают эти исследователи, на многих иллюстрациях Ремезовской летописи (далее — РЛ) изображены ратники в латах и шлемах, обычных для Западной Европы, к примеру, на рисунке, отражающем бой за Карачин городок, а «дружину», сокрушившую Сибирское ханство, возглавлял Герман, который, судя по имени, «происходил из группы «немцев», включенных в состав воинства Ермака купцами Строгановыми».⁶ Но если верить С. У. Ремезову, Германом (Ерманом) вна-

---

С. ЛХ; *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 99. Ср.: С. 108; *Резун Д. Я.* 1) Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 130; 2) Люди на сибирском фронтире в XVII–XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сб. материалов Всероссийской конференции «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.». Новосибирск, 2003. С. 16. Н. А. Миненко полагает, что насчитывавшее 840 казаков войско Ермака включало и строгановских «охочих людей» (*Миненко Н. А.* Тюмень: Летопись четырех столетий. Тюмень, 2004. С. 32).

В статье О. В. Скобелкина «Западноевропейцы в русском войске XVI века» (Исторические записки: Науч. труды ист. факультета. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 49–63) интересующий нас вопрос не затрагивается.

⁴ *Соболева Л. С.* «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 309.

⁵ Ранее Ю. С. Худяков писал, что Ермак располагал 5000 казаков, о чем говорится в позднем Кунгурском летописце (далее — КЛ), а также 300 немцев и литовцев (*Худяков Ю. С.* Кольчуга Ермака... С. 240, 243)

⁶ *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Европейские военные специалисты... С. 44, 45. Новосибирские исследователи обращают внимание на то, что в отряде тарского письменного головы А. М. Воейкова, нанесшем Кучуму в 1598 г. окончательное поражение, тоже были немцы, вероятно, опять-таки «из числа военнопленных с Ливонской войны». Но в документах, где подробно определяется состав этого отряда, о немцах не упомянуто (АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 1, 3). Вспомним, что Ливонская война закончилась в 1583 г., а в следующем году новое московское правительство отпустило на родину 900 пленных литовцев (*Зимин А. А.* В канун грозных потрясений:

чале звали самого Ермака, а «фряжскими» доспехами на миниатюрах «Истории Сибирской» наделены не отдельные, а все сподвижники легендарного атамана.⁷

Еще в конце XIX в. С. А. Адрианов отвергал интересующее нас известие СтЛ, указывая на малочисленность населения прикамских городков. Р. Г. Скрынников с должными основаниями признавал это известие баснословным, относил его к наивным вымыслам.⁸ Примечательно, что в знаменитой «опальной» грамоте Ивана IV Строгановым от 16 ноября 1582 г. и весьма обширной дипломатической документации рубежа XVI–XVII вв. (отчасти введенной в научный оборот А. А. Преображенским) не сказано о том, что наряду с казачьей вольницей в поход против сибирского «салтана» двинулось и несколько сот западноевропейских выходцев. О немцах и «литве», павших в боях с «погаными», умалчивается и в синодике «ермаковым казакам» (далее — С),⁹ и в «Кратком описании о Сибирстей земли...»

Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 121). О немцах на русской службе в Сибири конца XVI в., однако, известно документально. См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 265. Ср.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. С. 31–32, 109, 114, 115, 117.

⁷ ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550, 555, 556; *Алексеев В. Н.* Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (Проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 190; *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* «Житие Ермаково, как Сибирь взал...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 136. Примеч. 7.

⁸ *Скрынников Р. 1)* Сибирская одиссея // На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи. Вып. 20. М., 1980. С. 172; 2) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 137, и др. См. также: *Солодкин Я. Г.* «Ермаково взятие» Сибири: Загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 12, 25. Н. И. Никитин в более поздних работах, чем указанная, пишет об участии в прославленной экспедиции 540 человек (*Никитин Н. И.* 1) Соротники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 51; 2) Ермак // Исторический лексикон: XIV — XVI века. Кн. 1. М., 2001. С. 485), т. е. не включает в их число строгановских «людей».

Г. П. Головчанский и А. Ф. Мельничук сводят «роль Строгановых в организации экспедиции Ермака в Сибирь» только к «финансовой и экономической» поддержке казачьего похода (*Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф.* Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции («Строгановские чтения»). Березники, 2004. С. 25).

⁹ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 78, 380, 381. Исключение составляет Никита Пан, однако примерно за год до «пошествия» в Сибирь он, наряду с другими «воровскими» атаманами, действовал в Поволжье (*Сергеев В. И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 31–32, 38), а не состоял на службе у Строгановых.

(далее — КО), и в «гистории» Есипова, в том числе ее вторичных разновидностях. Говоря об участии этих иноземцев, да и татар, в «покорении Сибири», анонимный «списатель» СтЛ, очевидно, лишний раз старался подчеркнуть заслуги Строгановых в присоединении к Московскому государству «бусурманского юрта», не располагая при этом какими-нибудь документальными данными. Кстати, 300 служилыми людьми, судя по царской грамоте С. А., М. Я. и Н. Г. Строгановым от 7 января 1584 г., предводительствовали воевода князь С. Д. Болховский, головы И. С. Киреев и И. В. Глухов,¹⁰ весной того же года выступившие из Чердыни на помощь Ермаку и прибывшие в Кашлык вскоре после гибели «непобедимого ратоборца». Сообщение о том, что в Прикамье к казачьей «дружине» присоединилось такое же количество местных «воев», не исключено, появилось в СтЛ под влиянием едва ли не последней грамоты «яростиваго» самодержца в строгановские городки.

2. Являлся ли Ермак правителем Сибири?

Недавно А. Г. Нестеров, И. Л. Измайлов и В. В. Трепавлов повторили мысль, высказанную гораздо раньше Н. Н. Фирсовым, что овладев Кашлыком, Ермак стал рассматривать себя как нового правителя Сибири, а вовсе не казачьего предводителя или русского наместника. Известные современные историки ссылаются на то, что в качестве бека «велеумного» атамана, соратники которого заняли и разорили многие местные городки и улусы, признали вожди некоторых угорских и тюркских племен либо княжеств.¹¹ В глазах Д. И. Копылова,

---

Утверждение, что в обессмертившей ее предводителя зауральской экспедиции отряд строгановских «охочих казаков» возглавлял Черкас (Иван) Александров (*Резун Д. Я.* Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук.* 1981. № 11. Вып. 3. С. 18), следует отнести к домыслам. К тому же этот казак, дослужившийся до чина тобольского татарского головы, быть может, и не являлся соратником Ермака, а очутился в Сибири вместе со стрельцами князя С. Д. Болховского (*Солодкин Я. Г.* Был ли Черкас Александров соратником Ермака? (К истории сибирского летописания XVII в.) // *Клио: Журнал для ученых.* 2013. № 9 (81). С. 118–120).

¹⁰ Это известие находит аналогию в ПЛ. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 133.

Попутно заметим, что 300 ратных людей участвовало в 1593 г. в основании Березова, а согласно «Тобольскому летописцу» С. У. Ремезова (полагаться на сведения которого, впрочем, безоговорочно не приходится), — и в возведении Тюмени. См.: ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 566. Ср.: С. 567, 568, 575; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74 (*История Сибири: Первоисточники.* Вып. 7).

¹¹ *Нестеров А. Г.* Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XV–XVI вв. // *Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении*

по восточной традиции свергнувший хана сам становился ханом, и вассалы Кучума, к примеру, Бояр, потянулись в Кашлык с изъявлением покорности.¹² На взгляд В. Ю. Софронова, в годы «зауральской эпопеи» Ермак действовал по-хозяйски, так как происходил из знатного рода сибирских князей, а в оценке Г. Л. Файзрахманова, «вел себя, как владетель государства».¹³

По убеждению же Р. Г. Скрынникова, в Сибири легендарный атаман стал править именем царя, понимая, что без помощи России не удержит «взятую» «за саблю» страну.¹⁴ Вспомним, однако, что успешную вначале экспедицию снарядили Строгановы, именно этим крупнейшим русским солепромышленникам казаки, вероятно, сообщили о разгроме Кучума и захвате Кашлыка. Представление о Сибири как государевой вотчине, «державе» московских венценосцев, очевидно, утвердилось со временем, и навязывать его вольным казакам едва ли уместно. По словам А. П. Яркова, водворение прославленного атамана в Искере и многих соседних городках «не означало, что ханство перестало существовать: Кучум откочевал на Омь, в Барабинские степи, где продолжал править и собирать ясак, но лишь в южных улусах»; ясак же, думается исследователю, «был в тех условиях не столько материальным подтверждением политического подчинения, сколько признаком взаимозависимости двух субъектов отношений».¹⁵ Мог ли Ермак владеть остальными землями Сибирского «царства», тюменский историк не поясняет. Бежавший из Кашлыка осенью 1582 г., Кучум еще не утратил надежды вернуть себе трон.

В представлении омских ученых А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова для Кучума, который «был по своей сути кочевником», Искер

культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2003. С. 113–114; *Измайлов И.* «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей...». Татары в Смутное время: события и судьбы // Родина. 2005. № 11. С. 77; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 90–91. О том, что заняв Кашлык, Ермак стал правителем Сибири, говорится и в одной из статей Ю. С. Худякова (*Худяков Ю. С.* Кольчуга Ермака... С. 243).

¹² *Копылов Д. И.* Ермак. С. 139–140.

¹³ *Софронов В.* Кто же ты, Ермак Аленин? // Родина. 1994. № 8. С. 34–38; *Файзрахманов Г.* История сибирских татар... С. 199.

¹⁴ *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 223. Е. Е. Рычаловский и И. Р. Соколовский повторили эту мысль. См.: Сибирь: Атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 352.

Утверждение, будто «после (первой. — Я. С.) зимовки казаки объявили Сибирь владением царской короны» (*Лихачев Д. С., Вагнер Г. К., Вздорнов Г. И., Скрынников Р. Г.* Великая Русь. История и художественная культура: X — XVII века. М., 1994. С. 385), — не более чем домысел.

¹⁵ *Ярков А. П.* Кучум и Ермак... С. 27–28.

«не имел практически никакого значения, для него столицей ханства была его ставка, место, где стояла его юрта».¹⁶ Это суждение кажется, по меньшей мере, односторонним. Ведь Сибирь (что, если следовать Савве Есипову, запечатлелось даже в его названии) являлся «начальным (столнейшим) градом», и недаром тотчас после оставления его русскими, уже «беззапасными» «до конца», поздней весной или в первые дни лета 1585 г. главную резиденцию Кучума занял старший сын и наследник престарелого хана Али (Алей),¹⁷ вскоре вынужденный уступить Кашлык Сейдяку или Саййид Ахмад беку Тайбугиду, и лишь с пленением последнего основателем Тобольска (Новой Сибири) письменным головой Д. Д. Чулковым «град» (Старая Сибирь), из которого бежал «салтан», разгромленный ермаковцами «под Чувашею», был заброшен.¹⁸ К тому же в Кашлыке обосновался и удерживал его осажденный Карачей «старейшина» казаков Ермак, туда же направлялись в 1584 и 1585 гг. первые русские воеводы князь С. Д. Болховский и И. А. Мансуров.

Мнение о Ермаке как новом беке Кашлыка отчасти, думается, могло быть навеяно сообщением (повторенным в официальном Новом летописце) анонимного автора КЮ, что предводителя «русского полка», сумевшего разгромить «бесерменское» «царство» и «севшего» там, «повеле государь (Иван IV. — Я. С.) написат в грамотах сибирским князем».¹⁹ Согласно РЛ, татары считали Ермака русским князем.²⁰ Ее создатель, как думается Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексееву, признавал (и старался показать) «наставника» казаков в зауральском походе не атаманом, а князем сибирским, правителем огромной страны, ранее подвластной Кучуму; на одной из иллюстраций

---

¹⁶ Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Еще раз об отношении отечественной историографии к сибирской государственности // Сулеймановские чтения (пятнадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар» (Тюмень, 17–18 мая 2012 года): Материалы и доклады. Тюмень, 2012. С. 109–110.

¹⁷ Мнение, что в город Сибирь, покинутый казаками во главе с И. Глуховым, снова вступил Кучум (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 265), ошибочно. Утверждение же, будто Искер обороняла толпа хантов и манси, разбежавшихся с первыми залпами казачьих ружей (Скрынников Р. Борис Годунов. М., 2003. С. 202), противоречит сведениям всех сохранившихся источников. Можно лишь полагать, что остяки и вогулы покинули поле сражения раньше татар (Никитин Н. И. «За други своя» // ВИЖ. 1993. № 6. С. 85).

¹⁸ Утверждение о захвате Кашлыка В. Б. Сукиным, «поставившим» Тюмень (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 271), неверно.

¹⁹ СЛ. С. 308; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33; Т. 36. С. 74, и др. Сибирским князем Ермак представлен и в позднем Бузуновском летописце (СЛ. С. 300–302, 305).

²⁰ См.: Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал...»... С. 149.

к РЛ Ермак «восседает на троне сибирских царей».²¹ Однако в Служебной чертежной книге С. У. Ремезова главный герой его «Истории» назван воеводой — первым в череде тех, кто управлял Сибирью от имени московского государя,²² и всерьез говорить о том, что Ермака провозгласили сибирским князем, а Болховитинов (точнее, Болховский) вез «ратоборному» атаману царскую грамоту с пожалованием княжеского титула,²³ разумеется, не приходится, как справедливо заметили Р. Г. Скрынников, Д. И. Копылов и Е. К. Ромодановская, подобное представление — чистый вымысел, легенда.²⁴

В Описании новые земли Сибирского государства... утверждается, будто атаманы и казаки просили Ивана Грозного в завоеванную ими страну прислать воевод, а до их прибытия царь приказал ведать ею Ермаку «с товарищи».²⁵ Эта версия, разумеется, едва ли может считаться правдоподобной.

Хотя в КО читаем, что Ермак «сяде в царстве Сибирском» (обычно это выражение означало занятие престола²⁶), по свидетельству

²¹ Алексеев В. Н. 1) Рисунки «Истории Сибирской»... С. 178, 179, 182; 2) О жанровой специфике ремезовской «Истории Сибирской» (Текст и иллюстрации) // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 13; Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Жизние Ермаково, как Сибирь взал...»... С. 134, 143, 145.

²² См.: Гольденберг Л. А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990. С. 237; Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга: Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской Национальной библиотеки [Санкт-Петербург]. Комментарии. Тобольск, 2006. С. 22.

²³ Ичѳв А. Живое казачество Сибири. Оно есть и будет // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 98; Степанченко В. И. Освоение казаками Сибири // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 11. Салехард, 2002. С. 66; Гасников А. Г. Еще раз о походе Ермака Тимофеевича... С. 23.

²⁴ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 237; Копылов Д. И. Ермак. С. 221. Примеч. 21; Ромодановская Е. К. Избранные труды. С. 240. В Погодинском летописце сообщается о царском «указе» Ермаку «быть к Москве» (ПСРЛ. Т. 36. С. 133), очевидно, дабы избежать соперничества между ним и Болховским. Атаману, овладевшему «с товарищи» «за саблю» ханством Кучума, вероятно, было бы зазорно подчиниться молодому воеводе, почти не имевшему боевого опыта (ср.: Резун Д. Я. Куда и с кем ушли казаки... С. 19); не исключено, начались бы и трения между «сбившими» «с куреня» сибирского «салтана» вольными казаками, пожалованными московским государем, и служилыми людьми, за которыми не числилось каких-либо подвигов.

²⁵ СЛ. С. 375–376; Илюшечкина Т. Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения: 2005. Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 409, 410.

²⁶ См., напр.: ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 33, 38, 87, 93; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 83, 139; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 73, 100, 103. Ср.: С. 23, 90, 107; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 341; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. //

безвестного книжника, отправив в Москву полсотни сеунчиков, атаман «под царскую руку подводит всю Сибирскую землю и приводит к шерти» (на имя Ивана Васильевича),²⁷ то есть выступает в роли отнюдь не суверенного правителя. В Есиповской летописи Основной редакции (далее — ЕЛ) и ее вторичных разновидностях сообщается, что остяцкий князь Бояр (точнее, Баяр) «принесоша Ермаку и казаком (накануне обосновавшимся в Кашлыке. — Я. С.) многия дары»,²⁸ но усматривать в этом признание власти Ермака как нового хана (такое, напомним, мнение Д. И. Копылова) либо московского самодержца,²⁹ думается, не стоит. Правда, в одной из таких разновидностей Повести о Сибири и о сибирском взятии — Абрамовском летописце — интересующее нас свидетельство сопровождается замечанием о том, что «бог повеле покорити их, татар, под высокую государскую руку»,³⁰ но оно может считаться трактовкой позднего редактора. В той же ЕЛ лишь констатируется, что ермаковцы «повоева» многие городки и улусы по Иртышу и Оби, захватили Казымский городок и пленили его князя. В КЛ упоминается о «поставлении» есаулом Богданом Брязгой правителя Коды Алача «большим князем» вместо убитого Самара, но без указания на волю московского государя.³¹

Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 230, 231, 233, 239, 240, 242, 243; *Скрынников Р. Г.* Россия на пороге «смутного времени». М., 1981. С. 15, 49, 140; *Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 214, 216; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 30, 146, 158, 346, 364, 382, 440; ПСРЛ. Т. 14. С. 36, 50. Ср.: С. 52, 56, 100, 101; Т. 34. М., 1978. С. 9, 192, 195, 220, 238, 243, 244, 262; Т. 36. С. 145, 155, 189. Примеч. 31–33; С. 190. Примеч. 89; С. 193. Примеч. 73–74.

²⁷ Вопреки утверждениям Р. Г. Скрынникова, Н. А. Миненко и Д. И. Копылова, даже находившего, что шерть составлялась при участии Ермака (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 223, 224; *Копылов Д. И.* Ермак. С. 140, 143; *Миненко Н. А.* 1) По старому Московскому тракту: О первых русских поселениях на территории Новосибирской области. Новосибирск, 1990. С. 12; 2) Тюмень... С. 38), последнее сообщение едва ли достоверно. См., напр.: *Солодкин Я. Г.* «Шертовали» ли сибирские «иноземцы» московскому государю в начале похода Ермака? (Об одном спорном вопросе «зауральской эпопеи») // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 44–47, и др.

Известие поздней челобитной, что на Белогорье остяков привели «под государеву руку» (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 67), думается, не заслуживает доверия.

²⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 33, 39, 56, 84, 111, 122, 132, 183. Ср.: С. 243, 308, 361.

²⁹ *Соболева Л. С.* «Государев атаман» Ермак Тимофеевич... С. 311. Как полагает исследовательница, Бояр «перебежал» к Ермаку, что кажется натяжкой.

³⁰ ПСРЛ. Т. 36. С. 93.

³¹ Там же. С. 60; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 580. Полагать, будто Алач уже в начале 1580-х гг. признал власть «белого царя» (*Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие

По убеждению Ю. С. Худякова, на стороне Ермака против «кучумлян» сражались уже и служилые татары, и служилые угры.³² Оно, вероятно, основано на летописных известиях о присяге коренного населения Сибири московскому государю. Но эти известия, воспринятые научной традицией, повторим, требуют сугубо критического отношения, да и сами сословные группы служилых татар и угров возникли позднее зауральской экспедиции вольных казаков.³³

Оценивая версию о Ермаке как беке Сибири (вывод о признании этого статуса атамана некоторыми вождями местных племен должен, очевидно, считаться явным преувеличением), следует учитывать, что, по наблюдению В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, во время похода за «Камень» сохранялась «обязательность коллективного решения» казачьего «войска» (на круге), к примеру, о «посылке» отряда Ивана Кольца к Караче.³⁴ Впрочем, заключение Е. К. Ромодановской, будто в сибирских летописях Ермак изображен неотделимым от «дружины», нуждается в ограничениях. Так, по свидетельствам Есипова, царь Иван Ермака «заочным словом пожаловал», татарин Сенбахта пришел в город Сибирь к предводителю казаков, и он³⁵ «посла некоторых товариства своего» захватить царевича Маметкула; последнего «прият» именно атаман, который «поведает» близкому родственнику хана «царское великое жалованье и убажует его (Маметкула. — Я. С.) ласкосердыми словесы»; накануне гибели Ермак «побеже в струг свой, и не може дойти».³⁶

Утвердившись в Кашлыке, казаки, не исключено, и мечтали создать новое «войско», подобное Донскому, но быстро поняли, что

служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее*. Сургут, 2004. С. 10), присягнул ему (Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 44), кажется опрометчивым, как и заключать (см.: *Никитин Н. И.* «За други своя». С. 86, 87), что кодские князья сделались союзниками атамана, являвшегося «душой сибирской экспедиции».

³² Худяков Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства... С. 105–106.

³³ См., например: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 115–116, 122–123; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков... С. 10–13; *Тычинских З. А.* Татарская страта Сибирского ханства // Сулеймановские чтения (тринадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18–19 мая 2010 года): материалы и доклады. Тюмень, 2010. С. 117–118.

³⁴ *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 76–77.

³⁵ В нескольких списках ЕЛ при этом говорится о «товарищах» Ермака.

³⁶ ПСРЛ. Т. 36. С. 58, 59, 63. В С сказано, что их атаман в своем последнем походе «на стречю бухарцов (среднеазиатских купцов. — Я. С.) поиде» (Там же. С. 72. Ср.: С. 63).

в силу ограниченности своих сил, враждебного окружения, да и природных условий, сделать это едва ли реально.

Таким образом, выдавать Ермака за нового (после Кучума, бежавшего из Кашлыка) правителя Сибири, даже той ее части, на которую власть не смирившегося с поражением хана уже не распространялась, как представляется, нет должных оснований.

ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН И КУПЦЫ СУДОВЩИКОВЫ

В отношении многих представителей высшей иерархии русской церкви XVI в., являвшихся активными историческими фигурами, историки лишены возможности судить о ранних этапах их биографий, поскольку часто неизвестны не только обстоятельства жизни этих людей до момента занятия ими достаточно высоких постов, но даже и социальное происхождение их. В полной мере это относится и к такому видному деятелю русской истории второй половины XVI — начала XVII в., каким был патриарх Гермоген.

Упоминаемый в источниках, начиная с 1579 г., в качестве священника церкви Николая Гостунского в Казани, будущий глава русской церкви Ермолай предстает уже взрослым, сложившимся человеком, о ближних и относительно дальних родственниках которого можно судить лишь по скупому перечислению имен в синодичной записи, по понятным причинам не содержащей каких-либо указаний на социальный статус названных лиц и, тем самым, не позволяющей говорить о Гермогене как выходеце из того или иного общественного слоя.

Один из синодиков Троице-Сергиева монастыря, составленный в 1660 г., содержит запись о роде Гермогена, называющую имена «Павла. Ксении, Димитрия, иноки Евгении, инока Сергия, Елены, инока Иова, иноки Анисии, инока Мисаила, священноиерея Феодора, Василия, Симеона, Василия, Никиты, Анны младенца, Антонида младенца, Евдокии младенца, Мавры младенца, Матвея младенца, Симеона, Ксении, Михаила».¹ Единственное, что можно утверждать

---

¹ РГБ. Троиц. 814. Л. 78; *Глаголев Д. М.* Род великого господина святейшего Ермогена патриарха Московского и всея Руси // *Русский архив.* 1902. № 8. С. 578.

Запись в синодик Троице-Сергиева монастыря была произведена, видимо, в соответствии с условиями отмеченного вкладной книгой под 22 сентября 1610 г. пожа-

лючение пытались конкретизировать, утверждая, что «с достоверностью можно заключить только то, что патриарх происходил из среднего класса и, может быть, из духовного».⁴

В настоящее время, кажется, появляется возможность несколько уточнить представления о социальном происхождении Гермогена, поскольку его имя встречается в синодике муромского Спасо-Преображенского монастыря, запись в котором выглядит следующим образом: «Род Судовщиковых. Святейшаго патриарха Ермогена, преосвященного митрополита Ефрема, схим Лаврентия юродиваго, Диомида, схим Сигклитикии, Василия уб., Матроны, Никиты, Соломонии, Иродиона, Вассы, Василия, Паликарпа, иерея Феодосия, Захария, Иоаникия младенца, Андрея младенца, Иоанна младенца дважды, Ирины младенца дважды, Феодора младенца, Дарии младенца, иноки Софии, Стефана, Еудокии, Пелагии, Иякова утоп., Агрипины, Василия, Саввы, Иоанна, Савина, Иоанна, Акилины, Аверкия, Феофилакта, Марфы, Иякова дважды, Марфы, инока Агафоника, Афанасия уб. дважды, Козьмы уб., Тита уб., Еутихия уб., Софрония уб., князя Петра уб., Василия уб., Григория уб., Феодора уб., Данила уб., Никиты уб., Филиппа уб., Авксентия уб., игумена Пимины уб., священноиерея Феодора уб., священноиерея Елеуфери уб., священноиерея Афанаси, князя Георгия уб., Иоанна уб. дважды, Иякова уб., Василия уб. дважды, Никиты уб., Макрины, Терентия младенца, Спиридона младенца, Анастасии младенца, священнодиакона инока Авраамия, инока Пафнутия, Григория уб., Агафоника уб., Петра уб., Трифона уб., Антипы уб., Михаила уб., Параскеви, Артемия, иноки Марфы, Устины, инока Маркела, Афанасия, Иоанна, Симеона, Анисии младенца, Иоанна, Симеона, иноки Капетолины, Димитрия, Неонилы, Феклы, Симеона, схим Капетолины, Афанасия, схим Кирилла, Тимофея».⁵ Таким образом, Гермоген оказывается приписан к семье Судовщиковых.

Рязанцевых (Там же. С. 28), двор московской суконной сотни Родиона Олферова сына Рязанцева с четырьмя сыновьями от 7 до 14 лет (Там же. С. 32). Протопоп Иван, еще будучи попом, торговал на Устюге (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. С. 202).

Грамоту 1613 г. о выборе нового царя подписал от Хлынова посадский человек Путилка (СГГД. Ч. 1. М., 1813. С. 643). Есть повод видеть в нем Путилку Рязанцова, защитника вместе со стрелецким сотником Захаром Пановым в 1609 г. Котельничка (*В[ерещаги]н [А. С.] Вятские выборные на земских соборах 1613 и 1648–49 гг. // Труды Вятской УАК. 1905 года. Вып. 5–6. Вятка, 1906. С. 225–226*). Вероятно, это тот же самый Путилка, что упоминается в писцовой книге 1628 г.

⁴ *Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 7.*

⁵ ОР ГИМ. Щук. 139. Л. 70–71 об. Все записи написаны первым почерком, то есть до конца 1680-х годов.

Стоит заметить, что приведенный случай — не единственный пример включения имени заметных церковных деятелей в синодичные записи известных фамилий. Например, тот же Лаврентий юродивый оказался записан первым в помяние рода Григория Семеновича Хитрово в Троицком Перемышльском Лютикове монастыре.⁶ В свое время автор описания Лаврентьевского монастыря Леонид, отвергая версию о происхождении Лаврентия юродивого из рода бояр Хитрово, в синодике которых его имя стояло на первом месте, писал: «...Прежде было в обычае, продолжающемся и ныне, записывать в помянниках своего рода в начале имени мужей, известных святостию своей жизни, для выражения уважения к ним».⁷ Такое предположение могло бы выглядеть справедливым, если бы отмеченное явление было достаточно широко распространенным. Однако нельзя не заметить, что тот же Лаврентий из всех ветвей рода Хитрово поминался лишь среди близких одного его представителя, не упоминаясь в других записях. Это позволяет предполагать куда более серьезные основания, чем просто проявление уважения к известному лицу. Таковым, например, могло быть особое почтение к святости персоны, благому участию которой приписывалось то или иное событие в жизни составителя синодичной записи. При этом нельзя исключать полностью, до проведения специальных разысканий, существования и родственных связей. Именно по этой причине, на наш взгляд, необходимо более внимательно присмотреться к тексту в синодике Спасо-Преображенского монастыря.

Запись в муромском синодике, к сожалению, не содержит каких-либо указаний на социальный статус Судовщиковых, однако установить его не представляется сколько-нибудь сложной проблемой, поскольку в XVII в. эту фамилию носили два торговых человека, обладавших высоким званием гостя — Константин Смирной и Тимофей Третьяк Никитичи Судовщиковы.

Необходимо заметить, что в муромской синодичной записи последними названы схимник Кирилл и Тимофей. Вряд ли стоит сомневаться, что это те же два брата, старший из которых, Константин, не только скончался ранее младшего, но и успел перед смертью принять схиму. В той же записи дважды встречается упоминание некоего убиенного Никиты, в одном из которых, скорее, втором, следует

---

⁶ Приложение к родословной книге рода Хитрово. СПб., 1867. С. 221.

⁷ *Леонид*. Историческое описание калужского Лаврентиева монастыря, нынешнего калужского архиерейского дома, и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Калуга, 1891. С. 9–10.

В самом монастыре род Судовщиковых записан в синодике, составленном при архимандрите Карионе (Там же. С. 68).

видеть отца братьев. Этимология фамилии гостей как бы указывает на то, что их предок, дед или отец, занимались судовым промыслом, благо их родной город Калуга стоял на оживленном речном пути.⁸

Согласно строельной книге калужского посада 1590-х годов в Егорьевской сотне у церкви Георгия Святого на Воробьевке располагался «двор Смирнова судавого казака, длина десять сажен, поперек пять сажен». Этот двор находился неподалеку от двора Строгановых, на территории которого располагались четыре двора посадских людей — двух соляных прасолов, хлебника, сусленика и сапожника.⁹ Велик соблазн во владельце двора Смирном видеть будущего гостя Константина-Смирного, каким-то образом за 20-25 лет сумевшего превратиться из наемного судового работника в крупного торгового человека, вероятно, весьма заметного после разорения Смутного времени, чтобы быть зачисленным в ряды гостей. Если бы это было так, то стоило бы предполагать, что семья Константина по какой-то причине не предоставила ему, по меньшей мере, поначалу достойного содержания, отчего он вынужден был зарабатывать на жизнь нелегким трудом наемного работника. Однако это не более чем догадки. Стоит принять во внимание, что писцовая книга 1625/26 г. знает в Егорьевской сотне двор «посадцкого человека Павла Смирного сына Юдина»,¹⁰ скорее всего, сына судового казака.

По сведениям Н. Б. Голиковой, Константин был гостем в 1615–1631 гг.¹¹ Свое мнение о получении Константином звания гостя в 1615 г. Н. Б. Голикова основывала на записи, будто при пожаловании Смирного Судовщикова вместе с братом было отмечено, что «велено дворы их и лавки обелить за их службу, что они в прошлом 123 году в Дорогобуже под Смоленском хлеб продавали ратным людям и в той покупке прибыль учинили».¹² Однако приведенная Н. Б. Голиковой запись свидетельствует о том, что в 1614/15 г. Смирной вместе с братом получил за указанную службу еще одну жалованную грамоту, увеличивающую по сравнению с обычной жалованной грамотой на чин гостя (свобода от постоя, свобода держать дома

---

⁸ О калужском происхождении Судовщиковых: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 90. См. также: *Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.)*. М., 1994. С. 83.

⁹ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 246.

¹⁰ *Сироткин С. В.* Писцовая книга города Калуги 1625/26 г. // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 164.

¹¹ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 88.

¹² Там же. С. 90–91.

питье) круг их привилегий, а не о награждении братьев званием гостя вообще. В записной книге Печатного приказа под 18 апреля 1613 г. отмечено: «Запечатана грамота в Колугу выборному посацкому человеку Смирному Судовщикову по челобитью Васки Еремеева на Гордейка Олтухова о управе в насильстве». ¹³ Уже 22 июля 1613 г. Смирной назван гостем: «Запечатана грамота в Колугу по челобитью гостя Смирново Судовщикова да старосты Федоса Леонова и во всех колуских посацких людей место: велено им зачесть ис таможенных доходов денги, что у них в запрос взято». ¹⁴ Следовательно, Смирной Судовщиков получил чин гостя между 18 апреля и 22 июля 1613 г. ¹⁵

Другие документы позволяют еще более сократить этот период. Сохранившие сведения с 21 мая по 12 июля 1613 г. книги по городу Калуге о сборе 1000 рублей с калужских жителей для выплаты жалованья собранным в Можайске служилым людям содержат запись: «Лета 7121-го мая в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии наказу Моисей Федорович Глебов да диак Семен Самсонов, да Ждан Шипов, приехав, говорили в Колуге гостю Смирному Судовщикову и колужским посацкому старосте, и сотникам, и целовальником, и посацким лутчим, и середним, и молотчим людем всем вслух». ¹⁶ Таким образом, дата пожалования сужается с 18 апреля по 21 мая 1613 г.

На первый взгляд, этим выводам противоречит свидетельство Авраамия Палицына, отмечавшего участие Смирного Судовщикова в избрании Михаила Романова на царство: «От Колуги же и от северских градов о избрании царя государя Михаила Федоровича всеа Русии принесено бысть писание к Москве в то же время колуским гостем Смирным Судовщиковым с товарищи, и тако же не разньствоваху ни в едином словеси». ¹⁷ Видимо, Авраамий называет Смирного гостем по его позднему чину, коим в феврале 1613 г. он еще не обладал. Константин подписал грамоту об избрании Михаила Ро-

¹³ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 83.

¹⁴ Там же. С. 259. Возможно, что пребывание Константина Никитича в Москве было связано с его обязанностью «по должности» присутствовать на коронации Михаила Романова, состоявшейся 11 июля.

¹⁵ Н. И. Костомаров писал, что летом 1612 г., выступая делегатом от Калуги, Смирной Судовщиков имел чин гостя (*Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. 3. СПб., 1868. С. 295), что очевидно не соответствует действительности.

¹⁶ *Корецкий В. И.* Новый документ по истории русского города времени Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 320.

¹⁷ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 233.

манова на царство как «ис Колуги выборной человек Смирной Судовщиков». ¹⁸

Наличие подписи не означает, что Константин Никитич присутствовал на заседаниях собора с самого начала его созыва. Видимо, он прибыл в Москву после объявления 7 февраля перерыва на две недели для сбора сведений о согласии с кандидатурой Михаила Романова. В таком случае, он мог присутствовать на заключительном заседании 21 февраля, доставив в Москву мнение городов к югу от Москвы, о чем и сказано Авраамием Палицыным. Отметка в Печатном приказе о грамоте 18 апреля позволяет утверждать, что Судовщиков не входил в число посольства, отправленного собором в Кострому, но оставался в Москве. Пожалование его званием гостя не могло состояться до прибытия в столицу нового царя, въезд которого в Москву имел место лишь 2 мая. Только после этого озаботились и составлением грамоты об избрании нового монарха. ¹⁹ Следовательно, гостем Константин мог стать где-то во второй декаде мая, успев к 21 числу возвратиться в Калугу, куда в этот день прибыли М. Ф. Глебов «со товарищи». У правительства нового царя, видимо, должны были оказаться серьезные основания для пожалования Судовщикова в гости в первые же дни пребывания Михаила Федоровича в Москве, по меньшей мере, он был достаточно хорошо известен власть предержащим.

Согласно вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, в 1612/13 г. «дали вкладу колужане Костянтин, прозвище Смирной, да Тимофей, прозвище Третьяк, Судовщиковы 10 пуд воску за 36 рублей. И за тот вклад родителей их написали в сенодик». ²⁰ Исходя из сказанного выше, этот вклад не может датироваться временем позднее 20 мая 1613 г.

По дозору 1616/17 г. за двор и лавки в Калуге братья Константин Смирной и Тимофей Третьяк Судовщиковы несли оброк 12 рублей

---

¹⁸ СГГД. Ч. 1. № 203 С. 640; *Козляков В.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 521. О раскладе политических сил на соборе см.: Павлов А. П. 1) «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // *Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова.* Рязань, 2011. С. 74–79; 2) *Дворянское представительство и политическая борьба на Земском соборе 1613 г. // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII вв. Международная научная конференция 7–10 октября 2013 г. Тезисы докладов.* М., 2013. С. 109–112.

¹⁹ *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 161.

²⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 234.

7 алтын.²¹ Осенью 1625 г. они получили разрешение на строительство (взамен сгоревшей) церкви между Красным и Соляным рядами в Калуге, где отводилось и место под лавки.²² К тому времени Константин успел обеспечить колоколами калужские церкви Алексея митрополита «в городе», Спасопреображенскую «в Старом остроге».²³ Писцовой книге Калуги 1625/26 г. известны и сделки Константина с городской недвижимостью. Так, в ней на территории Рождественской сотни отмечено дворовое место «пустое посадских людей Юрья Мешечникова да Фомы Максимова, а ныне тем местом владеет государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны крестьянин Меркулка Степанов сын сапожник, вдоль тритцать сажен, а поперег пятнатцать сажен, а куплено у него то место у Смирного Судовщикова по кабале, в оброке в десети алтынех».²⁴ Естественно, в ней описаны и собственные владения Константина и его брата: «двор гостей Смирново да Третьяка Судовщиковых, в длину сорок девять сажен, поперег дватцать сажен, в оброке с лавками были в двунатцати рублех и в семи алтынех, и по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жаловальной тарханной грамоте за красною печатью с того их двора и с лавок оброку с них имати не велено, место дворовое гостя Смирного Судовщикова, а на том месте живет посадкой человек Клишко Ондреев, в длину десять сажен, поперег тож, да в огороде вдоль дватцать одна сажень, поперег десять сажен, в оброке в четырех гривнах».²⁵ Описано и место, где предполагалось строительство церкви: «Да в Новом остроге на горе позади Красного сапожного ряду место порозжее дворовое гостей Смирного да Третьяка Судовщиковых, вдоль дватцать шесть сажен, а поперег дватцать две сажени, да по конец Красного сапожного ряду место церковное гостей же Смирного да Третьяка Судовщиковых, что они обещалися на том месте воздвигнути храм, в длину того места полшесты сажени, поперег четыре сажени с лохтем, да паперти было к церкви от Иванова онбара Солонинина полторы сажени, да к Воробьевским воротам паперти полторы ж сажени, да з Большие улицы от гостей от Смирного и от Третьяка Судовщиковых меж их церкви и меж их лавки Красного сапожного ряду к таможне на площадь оставлено места на проезд в три телеги».²⁶

²¹ *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913. С. 289. № 141.

²² Там же. С. 380–382 № 189; С. 384–385 № 191.

²³ *Сироткин С. В.* Писцовая книга города Калуги 1625/26 г. С. 148, 154.

²⁴ Там же. С. 167.

²⁵ Там же. С. 169–170.

²⁶ Там же. С. 170.

Смирной Судовщиков еще до пожара 1626 г. владел двором в Китай-городе в Москве.²⁷ В 1626 г. лавки Судовщиковых находились в московском Судовом ряду, где продавались, по мнению М. Н. Тихомирова, необходимые для судоходства предметы.²⁸ В писцовой книге Мурома 1636/37 г. отмечается: «Да за осыпью в Успенской улице церковь Успения пресвятой богородицы древяна клетцки с папертью да два придела великого чудотворца Николы и другой придел святых жен мироносиц ... Другая теплая церковь Богоявление господа бога и спаса нашего Иисуса Христа древяна клетцки. А церкви и в церквах все церковное строение московских гостей Смирнова да Третьяка Микитиных детей Судовщиковых. ... Да в Дмитровской улице по конец посаду церковь великого страстотерпца Христова Димитрия Селунского древяна клетцки с папертью..., а церковь и в церквах божия милосердия образы и книги и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строение Смирнова да Третьяка Микитиных детей Судовщикова».²⁹

18 января 1620 г. гости Иван Юрьев, Иван Юдин, Григорий Никитников, Григорий и Максим Твердиковы, Родион и Федот Котовы, Бахтеяр и Кирилл Булгаковы, Томило Тараканов, Григорий Мыльников, Смирной Судовщиков консультировали боярина кн. Ивана Борисовича Черкасского, думного дьяка Ивана Грамотина и Савву Романчукова по вопросу о возможности пропуска английских купцов в Персию.³⁰ Правда, Константин на этом совещании не играл активной роли. Сославшись на собственную неосведомленность в персидской торговле ввиду отсутствия у него личной практики в этих делах, Смирной лишь заметил, что наслышан от других торговых людей о возможной опасности захвата всей персидской торговли англичанами, «кизылбаши в Астарахань не поедут и государевым людем с невеликими товары в Кизылбаши будет ездить неприбыльно».³¹

В начале 1620-х годов Смирной Судовщиков был призван исполнять многие государевы службы. В 7127–7128 гг. через Нижний Новгород проходили суда Константина, груженные царским хлебным запасом.³² В ноябре 1621 г. ему было приказано произвести в Ниж-

²⁷ РГАДА. Ф. 210, Разрядный приказ. Московский стол. Кн. 17. Л. 22 об.

²⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 89.

²⁹ Тихонравов К. Владимирский сборник. М., 1857. С. 159; Иконы Мурома. М., 2004. С. 374–375.

Впервые эта церковь упоминается в сотной выписи Мурома 1573/74 г., на этой же улице находился «двор владыки Рязанского» (Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. // АЕ за 1969. М., 1969. С. 297).

³⁰ РГАДА. Ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. Кн. 7. Л. 250–250 об.

³¹ Там же. Л. 268 об.–269.

³² РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1622 г. № 35. Л. 258.

нем Новгороде выбор таможенных целовальников для Казани и Тетюшей, «кому б соляные и рыбные промыслы и нижегородцкой таможенной збор был за обычей».³³ Данное поручение последовало в связи с тем, что Смирной Судовщиков с 1 сентября 1621 г. исполнял обязанности таможенного головы в Нижнем Новгороде.³⁴

Заслуги Константина-Смирного не оставались незамеченными, и ему, как и прочим гостям, иногда оказывались особые знаки внимания. Документ свидетельствует, что 21 декабря 1623 г. на приеме у патриарха Филарета «на рундуке за столом ели гости московские Илья Юрьев, Иван да Василей Юдины, Григорей Твердиков, Родион Котов, Ондрей Юдин, Бахтеяр Булгаков, Надея Светешников, Юрьи Белошников, Смирной Судовщиков, Григорей Шурин, Иван Сверчков, Смирной Ероксалимов, крестовой дьяк Иван Семионов, подъячей Пятой Филатьев».³⁵ Прием был торжественный, на нем, помимо перечисленных и не только лиц, присутствовало немало царских придворных и приказных деятелей. Роспись «по столам», естественно, отражает положение каждого из присутствовавших в местнической иерархии, и на этом фоне интересно отметить, что среди людей своего звания Смирной занимал не последнее место.

Разумеется, братья Судовщиковы за царскими службами не оставляли и собственных занятий. Об устойчивости их торговых интересов на Оке свидетельствует хотя бы конфликт возглавлявшейся гостем Тимофеем Судовщиковым группы торговых людей из Нижнего Новгорода и Мурома с калужским таможенным откупщиком Посником Седельниковым, имевший место летом-осенью 1621 г.³⁶

Распространялись торговые интересы братьев и южнее Калуги. 16 января 1627 г. приказчик «колуженина» Смирного Судовщикова Константин Софонов явил в Курске на семнадцати подводках соль, оцененную к пошлинному сбору в 45 рублей.³⁷ 27 февраля 1627 г. этот же приказчик платил там же пошлины еще с тридцати возов соли.³⁸

³³ РГАДА. Ф. 141. 1622 г. № 35. Л. 250.

³⁴ Наказную память см.: Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 2004. С. 62–65. № 11. Об отправке собранных под его руководством пошлин см.: *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Кн. 2. СПб., 1999. С. 114, 117, 118.

³⁵ *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложение. С. 96.

³⁶ *Кистерев С. Н.* Документы о таможенном деле в Калуге и Перевицке в начале 20-х годов XVII в. // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 138–146.

³⁷ Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982. С. 138.

³⁸ Там же. С. 158.

Видимо, в том числе и в этот город отправлялась соль, из-за пошлин за провоз которой Третьяк спорил с Седельниковым в начале десятилетия.

Приказчики Судовщиковых проникали в весьма отдаленные края страны. Один из них — Яков Москаль — начиная со сборного воскресенья 1626 г. откупил учуг Бирюль около Астрахани: «Учюг Бирюль и Дертюль с протоками и с неводными ловлями отдан в откуп из наддачи гостя Смирново приказщику Судовщикова Якушку Маскалю на два года со Зборного воскресенья 134-го году да по Зборное воскресенье 136-го году, а откупу ему на оба года заплатить старого 1774 рубли 14 алтын да новые наддачи и пошлин 103 рубли, и обоего старого откупу и с новою наддачею и с пошлинами 1877 рублей 14 алтын 3 деньги, по 938 рублей по 23 алтыны по полу-6 деньги на год».³⁹ И. В. Степанов писал, что в 1626 г. учуг на откупе держал сам Судовщиков,⁴⁰ однако достаточных оснований видеть в Якове Москале лишь подставную фигуру нет. Иное дело, что получение откупа в качестве приказчика известного гостя может свидетельствовать, что сам факт нахождения Якова Москаля в низовьях Волги обусловлен исполнением им своих непосредственных обязанностей на службе у Константина Никитича. В связи с этим появляется возможность думать, что соль, которую гость и его люди провозили по Оке и далее до Курска была астраханского происхождения, то есть на протяжении длительного периода Смирной Судовщиков занимался транспортировкой соли именно из Нижнего Поволжья. Кажется вероятным, что перевозимая соль и добывалась предприятием самого Судовщикова, возглавляемого Яковом Москалем, отчего рыбный промысел приказчика представлялся некоторое время вполне рентабельным ввиду возможности использования дешевой, если не дармовой, соли хозяина.⁴¹

---

³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Астраханская приказная палата. Оп. 1. № 996. Л. 2.

⁴⁰ *Степанов И. В. Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ученые записки ЛГУ. № 48. Серия исторических наук. Вып. 5. Л., 1939. С. 97.*

⁴¹ Впрочем, если бы речь шла о разработке месторождения соли «из трети», то последнее предположение выглядит невозможным. Соляные откупа отдавались при условии отчисления одной трети от добычи казне, а за соблюдением этого правила следили специальные казенные администраторы (*Степанов И. В. Организация соляных промыслов... С. 147–150*). Следовательно, общий объем добычи соли был известен не только приказчику откупщика, но и царским соглядатаям. Это делало сокрытие реальной добычи от истинного хозяина промысла рискованным для приказчика. Однако случалась и передача мест соледобычи на откуп, что не только было выгоднее промышленнику, но и расширяло возможности злоупотреблений для его приказчика.

Вдова гостя Тимофея Судовщикова фигурирует в окладном списке сбора денег за даточных людей 1647 г.⁴² Она поселилась в Москве не позднее 1638 г., когда ее двор фиксируется в местной переписной книге.⁴³ При посадском строении Калуги 1649 г. был отписан к посаду двор жены Третьяка Судовщикова, ранее принадлежавший гостю Смирному Судовщикову.⁴⁴ Следовательно, оба брата к этому времени умерли, причем Константин ранее Тимофея, как то и оказалось зафиксировано в муромском синодике. Поскольку именно Тимофей-Третьяк оказался записанным в синодик последним, то совершение поминального вклада и запись стали делом рук, скорее всего, его вдовы.

Синодичная запись, перечисляя множество представителей семьи Судовщиковых и их родственников, в силу матримониальных связей к которым, несомненно, относятся хотя бы князья Георгий и Петр, о целом ряде из них, включая названных князей, упоминает как об умерших не своей смертью. При этом, начиная с некоего Афанасия и заканчивая столь же неизвестным Михаилом, убиенные перечислены подряд, что наводит на мысль об их практически одновременной гибели. Это обстоятельство заставляет думать, что все они закончили жизнь в годы Смуты, когда Калуга попеременно оказывалась в руках различных враждовавших друг с другом группировок.

В синодике калужского Лаврентьева монастыря названо имя игумена Пимена, в котором можно видеть фигуранта записи рода Судовщиковых, о котором сказано, что он умер насильственной смертью. До него игуменами были Серапион, Иосиф, Тимофей и Варлаам.⁴⁵ Хронология игуменств в Лаврентьеве монастыре остается не уточненной, однако первый из названных — Серапион — известен по полученной им 10 декабря 1565 г. жалованной несудимой и с освобождением от стояния на яму с подводами грамоте Ивана IV на слободку на калужском посаде, села и деревни в Городском стану Калужского у.⁴⁶ Относительность возможных датировок игуменств не исключает вероятия его гибели в те же смутные годы, что и большинства родственников Судовщиковых.

Приведенные сведения дают пусть неполное, но достаточно отчетливое представление о семье гостей Судовщиковых, занимавшей и

⁴² РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Устюг № 80. Л. 97 об.

⁴³ Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. С. 56.

⁴⁴ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М.; Л., 1948. С. 476.

⁴⁵ Леонид. Историческое описание калужского Лаврентиева монастыря... С. 82.

⁴⁶ Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 239.

до достижения ими высокого звания видное положение, о чем свидетельствует хотя бы родство с некими князьями, не погнушавшимися жениться на посадских девках, благо те происходили из небедного и уважаемого семейства.

Полагая родство Гермогена с Судовщиковыми, было бы справедливо ожидать хотя бы частичного совпадения имен в обеих синодических записях. И действительно, такие совпадения эпизодически наблюдаются. Так, обоим синодикам известен священноиерей Феодор, после упоминания которого встречаются так же совпадающие записи о двух Василиях, Никите и двух Симеонах. Однако этим сходство в перечнях имен и ограничивается, что, естественно, не может не показаться странным. В то же время отмеченные совпадения имен при сходстве их очередности в обеих записях позволяют думать, что члены одного и того же рода в самом широком смысле этого слова оказались по-разному записаны разными же людьми, одним из которых был сам патриарх Гермоген, а другим — вдова Тимофея Судовщикова.

Для начала заметим, что составление перечня членов рода для записи в синодик могло осуществляться различными способами. Ее автор мог построить перечень как по восходящей, так и по нисходящей линии, в первом случае как бы представляя генеалогическое древо, а во втором — родословную таблицу. В таком случае рассматриваемые две записи, будучи каждая мысленно разделена на половины, должны были бы в каких-то своих частях совпадать, если не полностью, то хотя бы частично. Собственно, именно это и наблюдается, коль умозрительной серединой каждого из списков считать упоминание священноиерея Феодора, но совпадения имен отмечаются при этом только во вторых частях каждой из записей.

Поскольку перечень имен в записи Судовщиковых завершается упоминанием братьев Константина (схимника Кирилла) и Тимофея, то можно считать, что вдова последнего из них перечисляла родственников по нисходящим ступеням, то есть от старших к младшим. Совпадение же некоторых имен в обеих записях именно ближе к концу каждой из них показывает, что и перечень Гермогена составлен так же. Тогда трудно объяснимым оказывается полное несовпадение перечней в их первых частях, то есть до упоминания священноиерея Феодора, хотя казалось бы, чем более древние предки называются, тем больше должно отмечаться совпадений, в конечном итоге перечни не могут не совпасть полностью, поминая пращуров. Однако этого не наблюдается при сравнении записей Гермогена и Судовщиковой.

Мысль о случайности упоминания в обеих записях Феодора и некоторых иных имен, о том, что записи отражают состав разных се-

мейств, на наш взгляд, должна быть отвергнута, поскольку неизбежно приводит все к тому же вопросу о причине причисления Гермогена в муромском синодике к семейству Судовщиковых, то есть к самому началу рассуждения. Следовательно, необходимо искать иное объяснение различному представлению одного и того же рода двумя записями.

При обращении к записи Гермогена внимание привлекает то обстоятельство, что в своей первой части (до священноиерея Феодора) она перечисляет попеременно мужские и женские имена, отчего возникает искушение в Павле и Ксении, Дмитриии и иноке Евгении, иноке Сергие и Елене, иноках Иове и Анисии, Мисаиле и Агрипене видеть не просто список родственников, а перечень супружеских пар. Только Исаия в этой части записи не имеет пары в виде женского имени, но указание на его иночество может означать попросту отсутствие в его биографии факта заключения брака.

Именно эти одиннадцать (по Троиц. 42) имен не имеют аналогов в списке Судовщиковой, что исключает возможность видеть в них предков Гермогена, а значит, и Судовщиковых тоже. Вряд ли в ком-то из них стоит усматривать братьев и сестер патриарха, поскольку таковые должны были бы оказаться названными и в муромском синодике. И здесь необходимо вспомнить, что Гермоген начинал свою церковную службу в качестве приходского священника, был женат и, только овдовев, принял пострижение. Следовательно, в первой части его списка можно видеть не его кровных родственников, а родственников его жены, которых он, несомненно, знал и которые к 1610 г., когда составлялась запись, уже отошли в мир иной. Такое суждение объясняет отсутствие этих имен в перечне Судовщиковой, которая могла не только не считать их своими и своего мужа родственниками, чье упоминание обязательно включать в запись о роде, но и вовсе не иметь понятия об их существовании.

Если сказанное верно, то весьма вероятно, что первыми в списке названы отец и мать жены Гермогена — Павел и Ксения, тогда как остальные имена принадлежат ее братьям и сестрам, коль у Павла и Ксении были дети обоих полов, и их супругам. Мнение о наличии только братьев или только сестер в данном случае общего построения не меняет.

Естественно, что в списке Гермогена обязательно должен был оказаться упомянутым его отец, а если патриарх принадлежал к роду Судовщиковых, то это же лицо должно быть названо и в списке Судовщиковой. Таковым, видимо, является священноиерей Феодор, начиная с которого и наблюдается частичное совпадение имен в обеих записях. И, конечно же, Гермоген должен был бы упомянуть о своих братьях, коль они у него имелись, хотя мог и не знать имен их отпры-

сков, то есть своих племянников. Поминание в обеих записях двух Василиев, Никиты и двух Симеонов, позволяет думать, что именно они и были братьями Гермогена, то есть таковым был, в частности, отец Константина и Тимофея Судовщиковых Никита. Наличие одинаковых имен братьев в семьях XVI в. не было редкостью, отчего и не противоречит сказанному.

Не зная или не помня своих племянников, Гермоген не мог не помнить имен своих детей. И в его списке находится длинный перечень младенцев, так и не достигших сколько-нибудь солидного возраста. В них трудно видеть кого-либо, помимо умиравших на заре жизни детей будущего патриарха, что заодно объясняет и отсутствие этих имен в списке Судовщиковой.

Было бы естественным искать в списке Гермогена и упоминание его безвременно скончавшейся жены. Однако вторая часть списка, за исключением младенческих, знает только одно женское имя — Ксения. В ней и надо видеть ту, смерть которой вынудила Гермогена стать монахом в прямом смысле этого слова. И если Павел и Ксения начала списка были ее родителями, то можно заметить, что она с матерью носили одинаковые имена. Последним же в перечне взрослых назван некий Михаил, в коем можно видеть единственного возмужалого сына Гермогена, не сумевшего пережить своего престарелого отца.

Таким образом, список Гермогена включает упоминания его жены и ее родственников, отца, братьев и детей самого патриарха. Его двухчастность вполне понятна, если допустить, что первоначально поминательный список родственников жены был сделан после ее кончины, то есть за несколько десятилетий до вклада в Троице-Сергиев монастырь, а в 1610 г. просто скопирован и дополнен перечнем родственников вкладчика.

Разумеется, предложенная реконструкция состава семьи патриарха основана на логических рассуждениях и может, в силу этого, подвергаться сомнению в своей верности, но, как представляется, иные варианты объяснения наличия тех или других имен в списке приводят к куда менее вероятным построениям.

Обращаясь теперь к списку Судовщиковой, к нему должно подходить с той же меркой, что и к списку Гермогена. В таком случае в несовпадающей с последним первой части возможно видеть в основном перечень родственников самой вдовы Тимофея, хотя нельзя полностью исключать и возможности упоминания более широкого круга родственников самих Судовщиковых за счет включения в поминание лиц, состоявших в супружеских отношениях, как то очевидно с князем Петром. Этот последний никак не мог принадлежать к се-

мейству калужан Судовщиковых и оказаться в числе близких людей имел шанс лишь в силу женитьбы на посадской девке или поповне.

Начиная же со священноиерея Феодора главное место в списке должны занимать собственно Судовщиковы, братья и дети Никиты. Напомним, что Тимофея в семье и на стороне звали Третьяком, что указывает на наличие еще хотя бы одного сына Никиты, помимо Константина и Тимофея. Разумеется, и в этой части оказались записанными мужья дочерей Судовщиковых, например, некий князь Георгий.

Приведенный вариант «дешифровки» записи рода Судовщиковых в синодике муромского Спасо-Преображенского монастыря, на наш взгляд, позволяет считать патриарха Гермогена происходящим из калужской посадской семьи Судовщиковых, видными представителями которой были гости Константин Смирной и Тимофей Третьяк.

Автор Дневника польских послов называет Гермогена родственником царя Василия Шуйского.⁴⁷ Возможно, это родство следовало через одного из упомянутых в синодичной записи рода Судовщиковых князей — Петра или Георгия, что заставляет искать названных лиц в роде Шуйских. Тем самым, высказанное более века назад Д. Глаголевым сомнение в справедливости причисления С. Ф. Платоновым Гермогена к тяглому городскому классу,⁴⁸ видимо, не оправдывается. Его родственники стали гостями, то есть служилыми людьми достаточно высокого ранга, но произошло это уже после гибели патриарха.

---

⁴⁷ Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 194.

⁴⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. СПб., 1901. С. 488–489. Примеч. 198; Глаголев Д. Краткая заметка на мнение С. Ф. Платонова о происхождении патриарха Гермогена // Русский архив. 1901. № 3. С. 125.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук
- АЕ — Археологический ежегодник
- АИ — Акты исторические
- ВИЖ — Военно-исторический журнал
- ВМЧ — Великие Минеи чети
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ОИ — Отечественная история
- ОР — Отдел рукописей
- ОФР — Очерки феодальной России
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАН — Российская Академия наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РД — Русский дипломатарий
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией
- РЛ — Русская литература
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
- СПбИИ — Санкт-Петербургский Институт истории
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
- УАК — Ученая архивная комиссия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кистерев С. Н.</i> Обзорение 17 выпуска «Очерков феодальной России»	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> О двух спорных вопросах «Ермакова взятия» Сибири	25
<i>Кистерев С. Н.</i> Патриарх Гермоген и купцы Судовщиковы	36
Список сокращений	52

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 4

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

